

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

ИНАБ

Информационно-аналитический бюллетень

2021 № 4

**СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА**

Москва

2021

ИНАБ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Бюллетень издается с 2007 г.

(до 2017 г. – Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН)

2021 № 4

DOI: [10.19181/INAB.2021.4](https://doi.org/10.19181/INAB.2021.4)

ISSN 2686-8245

ISBN 978-5-89697-376-8

Редакционная коллегия

Ответственный редактор выпуска: М. Ф. Черныш

Ответственный секретарь выпуска: Ю. Б. Епихина

*Информационно-аналитический бюллетень подготовлен в рамках проекта
«Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации» (рук. М. Ф. Черныш),
поддержанного РНФ (грант № 21-18-00489)
Сайт проекта: <http://new-inequalities.tilda.ws>*

Структурные аспекты цифрового неравенства

В Информационно-аналитическом бюллетене представлены статьи, в которых раскрываются структурные аспекты цифрового неравенства: факторы сегментации интернет-медиа, гендерное неравенство, рынок труда и занятость, социальная мобильность. Внимание уделяется теоретическому осмыслению цифровизации как новому стратифицирующему фактору. Анализ проведен на основе масштабных международных проектов.

Ключевые слова: цифровизация, риски, занятость, рынок труда, цифровые медиа, гендерное неравенство, интернет, социальная мобильность

Ссылка для цитирования: Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Структурные аспекты цифрового неравенства. 2021. № 4. 86 с. DOI: 10.19181/INAB.2021.4

ISSN 2686-8245

ISBN 978-5-89697-376-8

© Авторы, текст, 2021

© ФНИСЦ РАН, 2021

Содержание

<i>Черныш М. Ф.</i> Цифровизация и неравенство	4
<i>Коротаев С. А.</i> Цифровая сегментация как механизм связи социальной и идеологической позиций	17
<i>Воронина Н. С.</i> Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект	28
<i>Смирнова А. С.</i> Сетевые факторы профессиональной дифференциации.....	52
<i>Епихина Ю. Б.</i> Социальная мобильность IT-специалистов	74

М.Ф. Черныш¹

Цифровизация и неравенство²

DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1

Михаил Федорович Черныш

Доктор социологических наук, ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: chernysh@fnisc.ru

РИНЦ AuthorID 235258

Для цитирования: Черныш М. Ф. Цифровизация и неравенство // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифровизации. С. 4–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1

Аннотация. В статье предложен ряд теоретических подходов, позволяющих оценить возможные последствия цифровизации. Подчеркивается, что в 90-е гг. XX в. внедрение цифровых технологий рассматривалось, прежде всего, как средство преодоления временных и пространственных ограничений, сдерживающих развитие современного общества. В 2000-е гг. возможное влияние цифровых технологий не ограничивалось только теми преимуществами, которые оно давало производительным силам. В научный оборот, благодаря работам У. Бека, вошли понятия «риск», «катастрофа» и «незнание», необходимые для анализа непреднамеренных последствий активного внедрения новых технологий. Основу цифровых технологий составляют алгоритмы – обезличенный синтаксис, все шире применяемый в сфере управления обществом. Как правило, алгоритмы формируются специалистами, которые не несут прямой ответственности за те последствия, которые влечет их применение. Широкое применение цифровых технологий в период эпидемии коронавируса COVID-19 продемонстрировало, что обезличенность и отчуждение становятся закономерными спутниками цифровых технологий в обществе. Особенно важны для современных обществ области применения цифровых технологий в сфере занятости. Дистантные формы занятости приводят к росту численности precarious, нестабильных рабочих мест. В статье делается вывод о необходимости постоянного научного сопровождения процесса цифровизации, а также возможных рисков, которые он создает в современных обществах.

Ключевые слова: цифровизация, риски, катастрофы, непреднамеренные последствия, занятость.

Цифровизация как этап становления общества модерна

Современное общество – это признают большинство обществоведов – претерпевает глубокие изменения, влияние которых на экономику, на социальные и политические институты, на повседневную жизнь до сих пор неясны. Можно лишь предполагать, как скажутся на жизни общества программы защиты окружающей среды, ставшие острой необходимостью вследствие глобального потепления, как изменится рынок труда,

¹ Chernysh M. Doctor of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Russia, Moscow.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации», поддержанного РНФ, грант № 21-18-00489.

если многие трудовые операции возьмут на себя роботы, как повлияет на сознание внедрение технологий виртуальной реальности. У многих наблюдателей текущих, набирающих темп изменений возникают законные опасения: не разрушит ли смелый новый мир новых технологий сами основы жизни в современном обществе, не сделают ли они людей отжившим свое биологическим видом, которому самой историей вменяется уступить место умным, долговечным машинам? Осторожные суждения имеют, надо сказать, под собой законные основания. Активное внедрение новых технологий уже сейчас производит изменения в поведении людей, которые многими оцениваются как негативные, социально опасные. Речь идет о сокращении частоты и длительности личных контактов и их замене частично, а иногда и полностью общением на расстоянии, *at distance* по выражению А. Гидденса. В теории поздней современности Гидденса технологии, упраздняющие расстояние, убыстряющие время, рассматривались как безусловное благо, как предпосылки рождения глобальной среды, в которой вестфальская система, национальные государства, границы между странами перестанут быть барьером для общения и бизнеса [Giddens, 1990]. Однако уже тогда, на самом начальном этапе цифровой революции звучали предположения о том, что помимо тех явных выгод, которые они обещают, будет и обратная сторона, не обнаруживаемая до того, как новые технологии станут действительно массовыми и глобальными. Английский социолог Скотт Лэш предлагал взглянуть на новые технологии как на источник новых видов неравенства, которые, к тому же, обладают способностью усиливать уже существующие неравенства, делая их непреодолимыми [Lash, Urry, 1993]. Цифровые технологии, считал он, создадут новые границы поверх существующих. Причем если старые границы обросли системой институтов, которые обеспечивают их более или менее беспрепятственное преодоление, то новые границы будут виртуальными, пролегающими в невидимых и неконтролируемых государствами пространствах, не подчиненных социально-политическим институтам. Если взглянуть на планету из космоса, то это новое неравенство станет визуально наблюдаемым: в ночное время мировые центры сбора и обработки информации будут островами света посреди бесконечных темных пространств, в которых цифровые технологии не используются или используются ограниченно.

Теория риска Ульриха Бека в контексте нарастающей цифровизации

Риски и новые виды неравенства, производимые новыми технологиями, стали предметом рефлексии для другого известного социолога У. Бека [Beck, 2009]. Развитие производительных сил, появление новых машин и других средств производства, способны, с его точки зрения, рождают риски, которые сложно осознавать в силу их неведущности, нематериальности, невидимости. К таким рискам могут относиться, к примеру, побочные, непредсказанные последствия биотехнологических экспериментов – генной модификации, созданию новых, химерических микроорганизмов, против которых природа человека будет бессильна. В этом

же ряду находятся и цифровые технологии, которые, с одной стороны, делают жизнь более комфортной, а с другой, обладают, подобно компьютерным вирусам, способностью проникать в круг, очерченный частной жизнью людей. Новые технологии становятся Паноптиконом, снимающим покров тайны с частной жизни, делающие частную жизнь публичной вопреки желанию человека, ставшего объектом подобного наблюдения. И в этом измерении возникают новые виды неравенства: элиты имеют денежные или властные ресурсы для того, чтобы защитить свою жизнь от проникновения извне, рядовой гражданин подобными ресурсами не обладает, его гражданские, конституционные права превращаются в фикцию, а сам он в объект манипуляций для тех, кто заинтересован в том, чтобы контролировать его поведение. Как полагал Бек, новые технологии способны производить двойной эффект. Они, с одной стороны, усиливают уже существующее неравенство, а с другой, «взрывают» его изнутри, обнажая для внешнего наблюдателя его скрытые формы и механизмы. Если раньше обладатели крупных состояний могли уединиться в своих пенатах, избежав пристального внимания со стороны общества, то теперь любые стены, за которыми они хотели бы скрыться, становятся прозрачными. Все стороны их жизни, включая самые интимные, выносятся в публичное пространство и делаются там предметом обсуждения. Чем больше усилий употребляется на то, чтобы защитить частную жизнь от внешних наблюдателей, тем больше соблазнов у тех, кто владеет новыми технологиями, для того, чтобы преодолеть создаваемые барьеры. Технологии, делающие стены «прозрачными», превращаются в еще один, прибыльный бизнес, который не смогут остановить ни репрессивные законы, ни отчаянные усилия виктимизируемых индивидов.

В теории рисков У. Бека центральное место занимает понятие катастрофы. При этом само понятие «катастрофа» имеет в его трактовке двойное значение. С одной стороны, это катастрофические последствия применения новых технологий, имеющие ограниченные временные рамки. К таковым относится, к примеру, катастрофа, случившаяся на атомной станции Фукусима, или же катастрофа, с которой столкнулся мир вследствие распространения коронавируса COVID-19. С другой стороны, катастрофа может рассматриваться как прогрессирующая деградация общественной жизни, которую вызывает безудержное распространение технологических новаций. В какой-то момент даже самые, казалось бы, замечательные достижения цифрового века могут иметь катастрофические последствия, приводящие к разрушению социального порядка. В конце концов, безбумажные технологии, оборот электронных денег, да и вся жизнь больших городов базируется на непрерывном производстве электроэнергии и стоит этому производству остановиться (а такое происходило уже не раз в отдельных регионах) как вся инфраструктура, вся логистика, обеспечивающая текущие транзакции, перестает работать. Риски, полагал Бек, – это не только и не столько маячащие на горизонте угрозы, но и вероятности, которые в той сложной системе, которую создают новые технологии, в разных ее точках оборачиваются катастрофами: «Риск не синоним катастрофы. Риск означает предвосхищение катастрофы. Риск связан с возможностью будущих событий и изменений; они приведут к по-

явлению такого состояния мира, которого (пока) не существует... Риски – это всегда будущие события, которые могут произойти и которые угрожают нам» [Бек, 2009: 9]. Трансформация риска в катастрофу неизбежна по причинам скорее естественного, статистического характера, чем объяснимого: необходимо смириться с тем, что катастрофы будут множиться, поражая отдельные регионы, территории, отдельные социальные группы.

Два концепта в теории У. Бека заслуживают особого внимания в контексте темы неравенства и его возможной эволюции. Во-первых, важен выдвинутый Бекем концепт «организованной безответственности». Казалось бы, безответственность – это всегда продукт дезорганизации, распада управленческой иерархии, именно так выглядела безответственность в прошлые времена. В современном обществе безответственность становится продуктом работы социальных институтов, ориентированных на регулирование поведения в рамках традиционного уклада общественной и экономической жизни. В новых условиях не только люди, но и сами институты становятся источником безответственности. Взять хотя бы проблему установления допустимых нормативов присутствия вредных продуктов в природной среде. В большинстве случаев эти нормативы устанавливаются произвольно с опорой на одни исследования при полном игнорировании других. В этих нормах заложены ограничения, предупреждающие негативные последствия в короткой перспективе, но, как правило, не учитываются долговременные последствия, которые довольно сложно отследить и которые обнаруживаются не сразу, а через годы, возможно, десятилетия. «Близорукость», которая свойственна любому институциональному порядку, активно используется рыночными структурами, желающими удешевить производство, использовать разного рода добавки и присадки, вредные для потребителей.

Теория Бека столкнулась – вполне ожидаемо – с очень разной реакцией в сообществе социологов. С одной стороны, тезис о серьезных изменениях в современных обществах под влиянием новых технологий ни у кого не вызывал серьезных возражений. С другой стороны, алармизм, свойственный концепции рисков, находился в противоречии с позитивным видением будущего, которое было свойственно общественной науке в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия. Разрушенная мирной революцией Берлинская стена, триумфальное для Запада завершение противостояния с «империей зла», высокие темпы внедрения в повседневность новых технологий – компьютеров, мобильной связи, интернета – побуждали видеть будущее как движение к процветанию, которое принесет выгоды всем странам и народам. Именно в этот переломный период истории Ф. Фукуяма публикует работу о конце истории и последнем человеке [Фукуяма, 1992]. Новый либеральный порядок, утвердившийся в мире, представляется ему конечным пунктом эволюции общества, оптимальным социальным устройством, к которому придут и уже идут все современные общества. В обстановке эйфории реакция на тревожное послание У. Бека ожидаемо была противоречивой: признавалось, что риски действительно открываются на новом этапе эволюции современных обществ, но общий пафос Бека, отождествляющего риск и неопределенность, отвергался. Действительно, стремительное распростра-

нение новых технологий создает – не может не создавать – новые риски. Новые технологии по сути своей подчиняют полностью и окончательно все сферы взаимодействия между человеком и природой. Но это лишь акцентирует возросшую необходимость ответственного поведения, установления общественного контроля над применением технологических новаций, который должно осуществлять гражданское общество. Без ответа остается вопрос, который, кстати говоря, очень остро ставил Бек: способно ли общество в ситуации организационной безответственности контролировать применение новых технологий, особенно если эти технологии – не просто машины, а интеллектуальные, роботизированные системы, обладающие способностью к вычислению и измерению, намного превосходящей все то, на что способен человек?

Второй концепт, который для У. Бека был важен, и который, с его точки зрения, мог определить содержание новой эпохи, – это «незнание». Пришло время, когда наука должна признать, что в природе и общественной жизни есть и всегда будут области, в которых познание ограничено и просто невозможно. Речь идет, в частности, о тех же, уже упоминавшихся ситуациях институциональной неопределенности: разные законы и разные нормы готовы опереться на разные данные, исходящие из разных ведомств и разных исследовательских организаций. Практически любая норма, которая устанавливается современным обществом, может быть оспорена, причем нередко с приведением вполне надежных, валидных доказательств ее ложности. Ригидная приверженность казуальности наблюдаемых эффектов может быть без особых затруднений опровергнута уже просто потому, что сами эти эффекты производятся множеством причин, имеющих разную временную протяженность. Выяснить, к примеру, причины, вызвавшие кризисное состояние (или трансформацию по А. Гидденсу) современной семьи, если не невозможно, то, по меньшей мере, затруднительно. Возможно, причина в том, что во время Второй мировой войны рынки труда открылись для женщин, но может быть, на самом деле одна из причин, кроется в развитии контрацептивных технологий. Вполне вероятно, что центральной тенденцией, повлиявшей на устойчивость семьи, стал нарастающий процесс индивидуализации и гедонизации общественной жизни. Логично предположить, что все, о чем шла речь выше, могло влиять на состояние семьи, равно как и другие причины и, в том числе, рост стандартов жизни в развитых странах, но сам ризомный характер приводимых факторов делает невозможным создание полноценной модели, объясняющей состояние семьи и ставящей это состояние под контроль общества. Иными словами, в общественных науках, как и в естественных, господствует все тот же принцип неполноты, который представлен теоремой К. Гёделя: любые формальные схемы не исчерпывают сложности изучаемой системы. И эта обнаруживаемая в анализе неполнота затрудняет определение того, каковы могут быть последствия применения новых и, прежде всего, цифровых технологий. Эти последствия, как правило, противоречивы: блага, которые, безусловно, приносит с собой цифровизация в разных ее формах, могут в каких-то точках обернуться своей противоположной стороной. Одним из примеров этого может стать быстрая цифровизация всей сферы здравоохранения. С одной стороны, новые технологии создают уникальные возможности для ранней

диагностики многих опасных заболеваний, создают новые возможности получения консультаций теми, кто живет в отдалении от крупных медицинских центров, с другой, врачи, обученные использованию продвинутых форм инструментальной диагностики, уступают предшествующему поколению в том, что касается интуиции, способности обобщать данные из разных источников и на этой основе ставить диагноз. Инструментальные данные, при всей их подробности, во многих случаях не дают конечных ответов, не содержат априорно указаний на наиболее эффективные протоколы лечения. Последнее слово остается за врачом, которые принимают решение с учетом его или ее собственного опыта, собственного прочтения машинных данных.

Цифровизация как алгоритмизация оценочных практик: риски неравенства

По У. Беку «незнание» становится одним из рисков, относящихся, прежде всего, к будущему, к тем новым технологиям, последствия применения которых не могут быть точно рассчитаны. А это означает, что любое применение цифровых технологий необходимо предварять пролонгированной экспериментальной фазой и параллельно с их внедрением разрабатывать систему мер, ограничивающих их негативное воздействие на общество. Подобная политика возможна лишь в том случае, если применение новых технологий будет регулироваться государством и гражданским обществом. Государство в этом случае выступает в двух лицах: с одной стороны, оно играет роль контролера, наблюдающего за последствиями применения новых технологий, с другой – становится важнейшей инстанцией, которая модерирует эффекты, производимые ими. Справляться с подобными функциями государство может только в том случае, если само оно находится под общественным контролем, если оно не приватизировано бюрократией, мечтающей о полном контроле над обществом. Цифровые технологии создают широкие возможности контроля над поведением людей, причем делают это в обход действующих институтов. В основе любых цифровых технологий лежит алгоритм, о характере и происхождении которого рядовому гражданину ничего не известно. Примеры того, как иногда работают подобные алгоритмы, содержатся в монографии К. О'нил «Оружие математического поражения» [О'Нил, 2018]. Речь в ней идет, в частности, о том, как работают математические алгоритмы, оценивающие эффективность работы сотрудников государственных и муниципальных учреждений, включая врачей или учителей. После проверки в одной из американских школ ее руководство приняло решение уволить преподавателя математики, одного из лучших в школе. Подобное решение вызвало шквал возмущения у родителей учеников: как же так? Учитель любим учениками и делает все от него зависящее для того, чтобы ученики знали предмет. Выяснилось, что по результатам обработки данных, произведенном машинным путем, именно этот учитель получил низкие баллы, более низкие, чем у его коллег. Его увольнение предопределил алгоритм расчета эффективности преподавателя, учитывающий, в том числе, оценки, которые учащиеся получают по тому предмету, который он ведет. Было начато расследование, которое установило, что

обучающиеся у данного преподавателя школьники получали более низкие оценки по его предмету потому, что он честно, непредвзято оценивал их успехи или неудачи, не завышал оценки, как другие учителя, не думал об алгоритме, который может его уволить, а думал о своих учениках, о том, чтобы дать им необходимые знания. Сами учащиеся с пониманием относились к той политике оценивания, которую он установил в классе, но математический алгоритм судил иначе, и учитель подвергся сокращению.

К. О'Нил решила выяснить, кто и как разработал алгоритм оценивания, кто авторы идеи, несущие за нее ответственность. Но, как оказалось, установить одного виновника невозможно, те, кому она задавала вопросы, просто пожимали плечами и ссылались на то, что не занимаются изготовлением алгоритма в целом, а делают только какую-то его часть, какой-то его фрагмент. Таким образом, «незнание» стало одним из ключевых понятий, относящихся к рассматриваемой ситуации. Ни учитель, ни ученики, ни родители не понимали, как и по каким причинам принималось ошибочное решение. Чиновники ссылались на анонимный алгоритм, который якобы должен был обеспечить объективность процедуры оценивания. Программисты же ссылались на то, что алгоритм готовился в группе, людьми, для которых подобная работа была контрактной, и которые больше не несут за нее никакой ответственности.

Подобные случаи множатся в «цифровизирующейся» России. Речь идет, как и в том случае, который приводила О'Нил, о процедурах оценивания деятельности. Подобные системы находят широкое применение не только на российских дорогах, где превышение скорости или другие нарушения все чаще фиксируют камеры, но и о других, более чувствительных сферах жизни. Цифровые критерии, алгоритмы расчета все чаще прилагаются к различным областям социальной жизни. Деятельность врачей оценивается по количеству принимаемых пациентов, причем на каждого пациента выделяется около 20 минут времени. В науке деятельность ученых, а также научных учреждений все больше зависит от показателей публикационной активности, причем количество публикаций выступает как приоритетный показатель, качество же их вообще не контролируется. В автоматизированном режиме рассчитываются показатели эффективности научных учреждений: считается общее количество публикаций и количество публикаций в расчете на одного научного сотрудника. На основании подобных показателей институты Академии наук получают рейтинг, который ведет к их ранжированию. Наиболее эффективными, входящими в группу «А», считаются институты с наибольшим количеством публикаций. В области «незнания» оказываются, таким образом, действительно значимые результаты научной деятельности – теоретические наработки, экспериментальные исследования, публичная деятельность в разных ее формах, включающая в себя пропаганду отечественных научных достижений. Показатели не учитывают экспертную деятельность ученых, призванных оценивать те природные или общественные явления, которые представляют собой риски для общества, а иногда и для человечества в целом.

Чем более широкое распространение получают цифровые показатели, «оружие математического поражения», тем больше побочных рисков создают они для государства и общества, тем больше шансов, что кризисные явления, свойственные отдельным сферам социальной жизни,

превратятся в катастрофу, которую не удастся предотвратить. Ведь любые алгоритмы, любые цифровые показатели обладают свойством, как уже говорилось, трансформироваться в институты, ранжируя, располагая индивидов на социальной лестнице по разным показателям. Взять хотя бы показатель «социального кредита», который активно используется в современном Китае. Как и во многих других отношениях, Китай в деле цифровизации и ранжирования пошел значительно дальше России [Wei Shan, Juan Chen, 2019]. В Китае введена в оборот балльная система: за каждый поступок, который считается идущим на пользу общества, гражданин получает прибавку в баллах, за каждый проступок против общества из общей суммы накопленных баллов вычитается штраф. Чем больше баллов накопил гражданин, тем шире его возможности, больше «дверей» открываются перед ним/ней, помогают ему/ей или его/ее детям добиваться поставленных целей. Балльная система, в частности, регулирует доступ к образованию: семьи, не имеющие необходимой суммы, теряют возможность отправить своих детей в вуз или воспользоваться иными возможностями повышения квалификации. В китайском обществе уже случались скандалы, связанные с тем, что детям, демонстрирующим успехи в средней школе, желающим продолжить образование, запрещалось поступление в вуз на том основании, что у родителей сумма накопленных баллов слишком мала. Не имеющие нужной суммы накопленных баллов не имеют возможности получать кредит в банке или приобретать жилье в ипотеку. Иными словами, они становятся в полном смысле этого слова пораженными в правах, париями, чьи гражданские права ущемляются только потому, что некий алгоритм, регулирующий поведение, счел их поступки неприемлемыми. Подобная система открывает широкие возможности для политического манипулирования поведением: любая деятельность, рассматриваемая властью как сомнительная, немедленно карается вычитанием баллов, а семья, членом которой является штрафуемый субъект, подвергается санкциям. И если в «нецифровом», правовом обществе подобные санкции можно оспорить в суде, то в «алгоритмизированном» обществе социального кредита наказание налагается на гражданина автоматически, то есть неправовым образом.

Одна из проблем «социального кредита» состоит в том, что любые алгоритмы, даже самые надежные, могут, в конечном итоге, допускать ошибки. Во-первых, ошибки возможны потому, что любой алгоритм подпитывается информацией, а в ней могут скрываться неточности. Например, проступки может совершить не тот гражданин, который подвергается наказанию, а его однофамилец, и тогда пострадавшему приходится вступать в борьбу с «кафкианской» системой, самостоятельно доказывать свою правоту, вопреки принятой в цивилизованном обществе презумпцией невиновности. Не всегда эта борьба увенчивается успехом, во многих случаях она занимает долгие месяцы или даже годы, в течение которых гражданин остается пораженным в правах. Во-вторых, система не обладает, как это уже показала К. О'Нил, способностью распознавать качество совершаемого действия и его настоящую наказуемость по действующему законодательству. Череда ошибок, которую совершают цифровые камеры слежения за порядком на дорогах, заставила власти пред-

усмотреть механизм коррекции или даже отмены налагаемых штрафов, но даже эта возможность не всегда реализуема в полной мере. К примеру, камера не распознает водителя, находящегося за рулем и автоматически налагает штраф или другое взыскание на владельца автомобиля. А между тем, речь может идти о серьезных правонарушениях, подпадающих под действие уголовного законодательства.

Алгоритм распознавания может давать сбой и тогда, когда в рамках формальной процедуры происходит идентификация личности. Этим часто пользуются лица, совершающие мошенничество, берущие, к примеру, фальсифицирующие официальные документы, допустим, кредитные договоры с банками или совершающие иные правонарушения, перекладывая ответственность за них на других, ничего не подозревающих граждан. Как показывает практика, восстановление справедливости в этом случае становится тяжелой обузой для жертв правонарушений, и происходит это именно потому, что в рамках цифровой системы наказания, которая с энтузиазмом внедряется в России, отсутствует сама возможность диалога между лицом, якобы совершившим правонарушения, и той инстанцией, которая выносит приговор. Лицо признается виновным вне всякой обычной для демократических государств состязательной процедуры. Пострадавшему фактически некому предоставить имеющиеся у него доказательства своей невиновности. Само понятие «невиновности» упраздняется лишь на том основании, что приговор выносится якобы незаинтересованной, универсальной, не имеющей корыстных интересов инстанцией. В этом качестве цифровые системы становятся непреодолимым барьером между бюрократией, определяющей показатели, включенные в алгоритм, и гражданами, теряющими саму возможность предъявлять претензии бюрократическим структурам. И это, по мере внедрения цифровых технологий, превратится и уже превращается в фактор, усиливающий неравенство между бюрократией и остальным населением, освобождающим бюрократию от ответственности за решения, которые якобы переадресованы математическому алгоритму. Неравенство подобного рода, надо полагать, будет иметь тенденцию к усилению, вместе с возможностями использования искусственного интеллекта, который получит от бюрократии право комбинаторно использовать существующие законы и правила. Граждане, дискриминируемые искусственным интеллектом, не смогут оспаривать его решения, поскольку сама такая возможность предполагает владение языком и набором понятий, которыми он оперирует. Только «жрецы» – специалисты, обслуживающие искусственный интеллект – будут иметь возможность общаться с ним, читать его скрижали, понимать логику принимаемых им решений.

Институциональное доверие и цифровые технологии

В работах, посвященных поздней современности, и тем процессам, благодаря которым она воспроизводится, А. Гидденс сфокусировал внимание на двух понятиях – доверии (trust) и уверенности (confidence) [Giddens, 1990]. Доверие, полагает он, базируется на институциональных основаниях. Граждане доверяют институтам потому, что имеют опыт

жизни в институциональной среде, непосредственно данное знание о том, как они работают. Степень уверенности гражданина коренится в рутине межличностных взаимодействий. Повседневность была бы невозможна, если бы граждане не были уверены, что большинство людей поступают и будут в будущем поступать так, как они поступали в прошлом. Доверие и уверенность пересекаются друг с другом уже потому, что поведение людей, даже в ближайшем окружении в значительной степени определяется институциональным фактором, правилами и нормами более высокого порядка. Гидденс полагает, что эти нормы и правила подвергаются постоянной ревизии, институциональная структура постоянно обновляется через те изменения в микросреде взаимодействий, которые, в свою очередь, происходят, благодаря внедрению новых технологий. Широкое распространение мобильной связи, безусловно, повлияло на характер и содержание общения между людьми, на то, в каком темпе и каким образом они согласуют свои позиции по разным вопросам жизни. А это, в свою очередь, внесло коррективы в то, как работают институты. Один из самых очевидных примеров – это возможность учащегося быстро отыскать ответ на поставленный преподавателем вопрос в интернете, а также распространившаяся среди студентов практика подготовки ответов на экзамене с использованием тех ресурсов, которые предоставляет мобильный интернет. Отпала, с точки зрения многих, необходимость читать учебники, запоминать их содержимое, обдумывать варианты ответа на поставленные вопросы заранее, до занятия. Проникновение подобных технологий в процесс обучения создало и будет создавать в будущем дополнительные напряжения для его нормативной базы и, в конечном итоге, сформирует предпосылки для возникновения новых типов неравенства. В странах с наиболее развитыми системами образования отмечается, что студенты или школьники из наиболее успешных семей под влиянием родителей и среды, в которой они вырастают, стремятся сохранять те развивающие практики, которые отшлифованы, опробованы и зарекомендовали себя с наилучшей стороны на протяжении многих столетий. Речь идет о чтении книг, обращении к фундаментальным, теоретическим основаниям наблюдаемых процессов, тщательной подготовке публичных выступлений при соблюдении правил формальной логики. Представители элиты напряженно учатся, отказываясь зачастую от тех легких удовольствий, которые в изобилии обеспечивает им жизнь в современном потребительском обществе. В то же время выходцам из бедных семей предоставляется возможность обучаться по иным программам, по планам, в которых основное внимание делается на непосредственном опыте, познаваемом через практические примеры, жизненные ситуации, без обращения к сложным источникам. В этой среде цифровизация используется как возможность избежать сложной интеллектуальной деятельности, как способ получать быстрые ответы на простые вопросы. Подобные ситуации приводят, как правило, к ослаблению доверия действующим институтам, в которых формальные нормы соблюдаются все менее строго, а потеря доверия формальным институтам компенсируется попытками повысить уровень уверенности в межличностных взаимодействиях, установить в интересующем взаимодействии систему норм, регулирующих складывающиеся в микросреде отношения.

Нетрудно видеть, что подобный контекст является питательной средой для сетевых взаимодействий, но, в конечном счете, губителен для общественных институтов, которые если и воспроизводятся, то в ослабленном состоянии.

Два типа образования рождают, соответственно разные типы сознания или, если быть более точным, сознательности. В одном случае речь идет о культивировании внутренней дисциплины, ориентации на получение знания в сложных, современных формах, о способности к обучению, которая позволит не только в период обучения в университете, но и далее постоянно совершенствовать своих познания самостоятельно, ориентироваться на научный дискурс. Во втором случае полученные в системе образования знания и навыки упираются в верхний предел применимости. Они дополняются или уточняются, прежде всего, в практической деятельности, в сфере занятости, наибольший сегмент которой составляют рабочие места в сфере обслуживания. Сталкиваясь с имеющимися ограничениями, молодые люди, выходцы из нижних слоев общества, нередко ищут возможности выхода из тупиковой в социальном плане ситуации через еще более активное использование цифровых технологий, через те практики их использования, в которых они преуспели. В Южной Корее, к примеру, молодые люди, не получившие качественного образования, стремятся преодолеть социальные ограничения через активное участие в турнирах геймеров, победа в которых может принести, с одной стороны, немалый доход, а с другой, расширить возможности трудоустройства в тех сферах, где требуются несложные навыки владения цифровыми технологиями. Широкое распространение в интернете получают практики, не требующие серьезной квалификации – блоггерство, паразитирующее на хайпе, на желании шокировать зрителей выходом за рамки нормы, устанавливаемой обществом. Способы добиться этого разнообразны – от демонстрации крайних форм насилия до крайне рискованных поступков, ставящих под угрозу саму жизнь блоггеров и тех, кто находится рядом. Речь идет о возможности становления в обществе новой культуры, в которой образование, квалификация, кропотливый труд уже не являются желанной перспективой самореализации. Таковая обнаруживается через поступки, попирающие общественную норму, через абсурдное поведение на грани безумия.

Цифровизация и сфера занятости

Процессы внедрения цифровых технологий получили дополнительный импульс в период пандемии COVID-19. Если раньше работа на расстоянии или, как сейчас говорят, на дистанте, была уделом, прежде всего, самозанятых, работающих по контрактам, то в настоящее время, под прессингом эпидемии и связанных с ней запретов, работать на расстоянии приходится значительной части офисных работников. Так называемый «дистант» внес серьезные коррективы в работу компаний и предприятий, усилил тенденцию к отчуждению работника от рабочего места. Конечно, запрет на очное общение отчасти компенсируется активным внедрением новых технологий коллективного участия, включая системы видеоконференций, чатов и мессенджеров. Однако, как показала практика, дис-

тантное общение все же менее эффективно в плане формирования рабочих коллективов, чем очное общение, живое обсуждение. В дистантном общении невозможны эффекты, которые рождает активная жестикуляция, мимика участников, голосовая модуляция и прочее. Для многих компаний открытие цифровых технологий создало новые возможности сокращения персонала, вывода его за рамки штатного расписания в области эпизодического найма или франшизы. Ускоренное внедрение цифровой занятости происходит на фоне неопределенности в том, что касается самого статуса временных «цифровых» работников. Неясно, как могут быть защищены права этих работников, каков их статус в системе получения социальных услуг, как их труд учитывается в системах социального страхования. Усиливается и умножается, таким образом, традиционное неравенство, которое ранее дифференцировало тех, кто занят постоянно, и тех, кто прекарен, чья работа нестабильна, а социальное страхование под вопросом. Казалось бы, в этой ситуации права и обязанности работников, находящихся в зоне риска, должны стать предметом серьезной дискуссии с последующими изменениями трудового законодательства. Однако такой дискуссии пока не ведется, в обществе живет надежда на то, что пандемия рано или поздно остановится и практики в сфере занятости восстановятся в прежнем виде. Между тем, имеющийся опыт подсказывает, что апробированные формы экономии ресурсов и повышения прибыли чаще всего сохраняются даже после того, как чрезвычайные обстоятельства, породившие их, остаются в прошлом.

В современной экономике растет доля тех, кто получает работу с помощью так называемых электронных платформ. В настоящее время доля тех, кто работает по временным контрактам, заключаемым с помощью электронных платформ, составляет в европейских странах 14%. Речь идет о серьезной трансформации рынка труда, заставляющей социологов переопределять формы занятости. Работники, привязанные к электронным платформам, получают в настоящее время разные именованья – «онлайн мобильные (gig) работники», «э-лансеры», «работники по вызову» и прочее [Putanen and al., 2020: 6]. Уже само отсутствие устойчивых дефиниций группы говорит о том, что общественные науки только приступают к их изучению, но уже сейчас понятно, что феномен временной работы, так называемой «разделяемой» экономики вошел в новый этап, когда временным, разделяемым, снимаемым окажется не только жилье, не только личный транспорт, но и сама работа. Именно поэтому так важно на начальном этапе ее становления исследовать ее эффекты, последствия, которыми она чревата для общества.

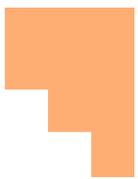
Заключение

Современное общество претерпевает глубокие изменения, связанные с активным внедрением новых технологий. Новые цифровые технологии приведут и уже сейчас приводят к трансформации повседневных практик, включая практики общения, институциональных взаимодействий, занятости и досуга. В современной социологической теории имеются серьезные заделы, позволяющие понять возможные риски применения

новых технологий. К числу таких фундаментальных рисков относится становление новых форм неравенства, утрата в обществе традиционных форм защищенности, новая, более высокая степень отчуждения. Проблемы, с которыми сталкивается общество в цифровую эпоху, многообразны и требуют серьезного изучения. Общественная наука, увлекшаяся исследованиями современности, новыми возможностями и угрозами, которые несет в себе глобализация, только приступает к изучению такового феномена, как цифровизация. Однако уже сейчас ясно, что именно цифровизация будет создавать и уже создает предпосылки радикальной трансформации общества, новые возможности и новые риски для общественного порядка, новые различия и новые солидарности. Важно, чтобы эти процессы оставались в центре внимания современной общественной науки, чтобы она осмысливала их последствия и предупреждала общество о тех угрозах, которые в них заключены.

Список литературы

- Beck U.* World at Risk. L.: Polity Press, 2009. 240 p.
- Fukuyama F.* The End of history and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992. 446 p.
- Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 188 p.
- Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. L.: Sage, 1993. 360 p.
- Poutanen S., Kovalainen A., Rouvinen P.* Digital work in the Platform Economy. Understanding Tasks, Skills and Capabilities in the New Era. Edited by S. Poutanen, A. Kovalainen, P. Rouvinen. L.: Routledge, 2020. 246 p.
- Wei Shan, Juan Chen.* China's Social Credit System Transformative Engineering Or an Orwellian Nightmare? East Asian Institute – National University of Singapore, 2019. 18 p.
- О'Нил К.* Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М.: АСТ, 2018. 320 с.

С. А. Коротаев¹

Цифровая сегментация как механизм связи социальной и идеологической позиций²

DOI: 10.19181/INAB.2021.4.2

Коротаев Сергей Александрович

НИУ «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: skorotaev@hse.ru

Author ID РИНЦ: 6623-8146

Для цитирования: Коротаев С. А. Цифровая сегментация как механизм социальной и идеологической позиций // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифрового неравенства. С. 17–27. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.2

Аннотация. Сегментация аудитории сети интернет является, по мнению ряда исследователей, одним из негативных последствий бурного развития коммуникационных технологий. Сегментация создает преграды для общественной дискуссии, приводит к поляризации мнений, тем самым порождает опасность для реализации демократического управления. Деление россиян по принципу потребляемых ими медиа – телезрители и пользователи интернета – стало общим местом в высказываниях журналистов и экспертов. Такого рода наблюдения заставляют признать, что проблема сегментации аудитории СМИ в России является крайне актуальной исследовательской задачей.

В работе предпринята попытка рассмотреть медиа предпочтения россиян, как переменную, опосредующую связь социальной позиции и политических предпочтений. Идеологические представления рассмотрены на примере экономического консерватизма (поддержка редистрибутивной политики), в качестве индикатора медиапотребления взята частота использования телевидения и интернета для получения новостей. Анализ строится на данных 7 волны World Values Survey, моделирование структурными уравнениями (SEM) составляет основной инструментарий анализа. Получено, что различия в медиа-потреблении (интернет против телевидения) полностью опосредуют влияние образования и частично дохода в объяснении приверженности редистрибутивным идеям. Данный результат является признаком существования ощутимой поляризации позиции тех, кто предпочитает получать новости из интернета, относительно более широкой телеаудитории. В заключении делается вывод о перспективности дальнейших исследований с привлечением более продвинутого инструментария для выделения транслирующих специфические точки зрения областей информационного пространства.

Ключевые слова: медиапотребление, цифровые медиа, политическая поляризация, потребление новостей, политические предпочтения.

Политические предпочтения являются популярной для исследования темой в социальных науках. Они позволяют объяснить различия в политическом поведении граждан, отражают нормативные ожидания и характер развития политической культуры в стране. Средства массовой информации

¹ Korotaev S. Research Fellow, National Research University Higher School of Economics; Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации», поддержанного РНФ, грант № 21-18-00489.

являются одним из важнейших факторов формирования политических предпочтений. В прошлом роль СМИ как транслятора капиталистической идеологии критиковалась интеллектуалами, придерживавшимися левых взглядов. С развитием интернета критики указали на новую опасность – сегментацию аудитории в изолированных областях информационного пространства и исчезновение общего пространства для политических дискуссий.

Цифровая сегментация

Распространение коммуникационных технологий существенно изменило мир, породив не только новые надежды, но и страхи. На смену (точнее, в дополнение к) страху тотального информационного контроля, влекущего полную идейную синхронизацию граждан, приходит страх распада единой публичной сферы на несколько взаимно изолированных областей, границы между которыми являются барьерами для взаимопонимания и коммуникации.

Доминировавшие в недавнем прошлом центральные СМИ, наподобие общедоступных телевизионных каналов или популярных газет, имели в качестве своей аудитории практически все общество, тем самым формируя единую информационную повестку – пространство вещей, проблем, идей и сценариев, которые существовали для всех, имели отношение ко всем, могли и должны были обсуждаться всеми. В данном случае вопрос о достоверности, в каком бы то ни было смысле, транслируемой СМИ картинки не является принципиальным. Даже принимая бодрийеровский тезис о том, что СМИ не отражают, но создают реальность, следует признать, что «старые» СМИ создавали общую реальность.

В противоположность описанной картине, информация, получаемая пользователями интернета, значительно более персонализирована. Пользователь не ограничен несколькими телевизионными каналами, но может сам выбирать, какую информацию он желает получать. Комментаторы, такие как К. Санстейн [Sunstein, 2017], обращают внимание на потенциальные негативные эффекты такой свободы выбора. Человек может испытывать чувство удовлетворения, подтверждая собственную точку зрения, и дискомфорт при встрече с информацией ей противоречащей (ср. концепт «Daily Me», популяризированный Н. Негропonte: [Negroponte, 1995]). Как следствие, возможности интернета могут привести к формированию «эхо-камер» (echo chambers) – ограниченных областей цифрового пространства, внутри которых индивид сталкивается только с теми суждениями, которые подтверждают его собственные. Фрагментация пространства интернета на такие области, населенные единомышленниками, по мысли Санстейна, должно вести к поляризации общества, поскольку исключение альтернативных точек зрения лишает членов подобных сообществ необходимости корректировать свою позицию, зато радикальные идеи больше не выглядят таковыми, если соответствуют сложившемуся в этой замкнутой группе консенсусу. «Ложная» информация, например, теории заговора, может распространяться в таких группах, будучи защищенной от критики здравого смысла. Все это, как указывают критики, ставит под угрозу демократичность государственного устройства, поскольку фрагментированные сообщества не готовы к диалогу, не

способны приходить к консенсусу. Совместный опыт пребывания в общей реальности является, как утверждается, необходимым условием всякого общего дела – республики, к чему отсылает название книги Санстейна.

Описанная угроза поляризации представляется логически убедительной даже при вынесении за скобки высокопарных рассуждений об идеалах делиберативной демократии. Эмпирические свидетельства действительно подтверждают склонность людей к предпочтению информации, соответствующей имеющимся у них убеждениям, хотя величина этого эффекта не столь велика, а его реализация может опосредоваться рядом факторов (см. мета-анализ, [Hart et al., 2009]). Кроме того, пользователь может вообще не иметь явного выбора, когда «меню» предлагаемой ему информации формируется алгоритмами машинного обучения на основе его предшествующих действий. В таком «фильтрационном пузыре» (filter bubble) пользователь, не осознавая этого, оказывается отрезан от противоречащей его мнению информации [Pariser, 2011].

Существует, однако, значительное число авторов, скептически настроенных в отношении выше представленной алармистской критики. Тщательные исследования демонстрируют, что контакты респондентов в социальных сетях все же оказываются достаточно гетерогенны по политическим предпочтениям, при этом люди, как правило, плохо осведомлены о политических взглядах своих друзей в социальных сетях. Последнее позволяет им придерживаться иллюзии идеологической гомогенности своего окружения [Goel et al., 2010], что и объясняет эффект, вызывающий тревогу у цитируемых выше авторов. Что касается влияния поисковых рекомендаций, то эмпирически регистрируемый эффект прямо противоположен ожидаемому. Так, рекомендации музыкального сервиса расширяют потребляемый контент отдельного пользователя, при этом сокращают различия между разными пользователями [Hosanagar et al., 2014]. Наконец, прямой анализ потребления политических новостей пользователями интернета демонстрирует, что некоторая сегрегация, очевидно, существует, например, сторонники правых взглядов редко читают либеральные СМИ, однако величина поляризации аудитории весьма умеренна: она не выходит за пределы мейнстримных позиций [Flaxman et al., 2016].

Отметим, что исследования цифровой сегментации были проведены и на отечественном эмпирическом материале. Исследование медиа потребления участников протестов 2011–2012 гг., проходивших под лозунгом «За честные выборы», продемонстрировало существенное отличие «медиа-диеты» участников от таковой у среднестатистического россиянина. Авторы сделали вывод о функционировании российского сегмента фейсбука как эхо-камеры в период данных событий [Bodrunova, Litvinenko, 2016].

Идеологическая позиция

Общепринятым до недавнего времени инструментом измерения политических предпочтений (идеологической позиции) являлась оценка респондентом своей позиции на шкале «левый — правый»¹ или «либе-

¹ Среди россиян 33,5% не дали ответа на соответствующий вопрос World Value Survey (№ 240), среди жителей Германии – 6,5%, США – 2,8%.

рал — консерватор». Впоследствии критики поставили под сомнение теоретическую и методологическую адекватность такого подхода. Утверждается, что одна ось не исчерпывает вариацию политических взглядов даже жителей стран Запада [напр., Fleishman, 1988; Evans et al., 1996], не говоря уже о постсоциалистических странах, чьи политические институты не прошли того длительного пути развития, который бы привел их агентов к поляризации вдоль единой идеологической оси [Aspelund et al., 2013].

В настоящий момент наиболее популярной является операционализация пространства политических предпочтений, использующая две независимые оси: экономическую и культурную/социальную. Первая из них отражает прежние политические конфликты, основанные на классовых противоречиях: перераспределение материальных благ (налоги, пособия, пенсии и т.п.), вмешательство государства в экономику. Вторая изначально связана с движением против моральной диктатуры консервативного большинства, зародившимся в 60-е гг. XX в. На одном полюсе этой оси находятся сторонники прав сексуальных меньшинств, гендерного равноправия (включая право на аборт), универсальных ценностей, положительного отношения к иммигрантам, на другом — приверженцы традиционных норм и ценностей, партикуляризма, ограничений на иммиграцию и введения требования аккультурации для иммигрантов. В данной работе будет рассмотрена только первая — экономическая — ось. Отметим, что используемые данные (см. далее) позволяют провести также операционализацию второй оси.

В литературе существует ряд общепринятых моделей формирования политических предпочтений, в первую очередь, утилитарная и социализационная. Согласно первой, человек выбирает ту позицию, которая сулит выгоду лично ему («бедные за перераспределение, богатые за снижение налогов»), согласно второй — политические предпочтения формируются в семье, а также в ходе дальнейшей социализации, отражая общее мировоззрение социального окружения. Социализационная модель, по всей видимости, способна дать объяснение «альтруистической» поддержки социального государства со стороны благополучных групп в странах Западной Европы [Rueda, 2018], а также «неестественные» предпочтения представителей «рабочего класса» против левой экономической политики. Тем не менее, в странах Восточной Европы (в том числе и в России) паттерны политических предпочтений куда менее прозрачны для интерпретации [Коротаяев, Гасюкова, 2019]. В частности, исследователи получают противоречивые результаты относительно существования феномена «альтруистических» предпочтений богатых в России. В. А. Аникин и соавторы [2020] получили, что доход является фактором, повышающим симпатии к редистрибутивной политике, тогда как в других исследованиях его эффект не значим [Коротаяев, Гасюкова, 2019] или противоположен [Borisova, Govorun, Ivanov, 2016; Коротаяев, Гасюкова, 2022, в печати].

В данной работе предполагается, что связь политических предпочтений и статуса медируется характером медиа потребления. Действительно, в силу отсутствия сложившейся политической традиции в России (как отчасти и в других постсоциалистических странах)

сложно ожидать устойчивой преемственности политических предпочтений между различными поколениями семьи или членами локального сообщества [Mochmann, El-Menouar, 2005], вместо этого, можно предположить, что ключевую роль в формировании представлений о политике играют медиа. Неравная вовлеченность в использование цифровых технологий может быть причиной сегментации медиа-аудитории, что, в свою очередь, и определяет связь социальной и идеологической позиций. Проверке этой гипотезы и посвящена данная работа.

Данные

Базой данных работы является 7 волна World Values Survey [Haerpfer et al., 2020], российская часть которой была проведена в 2017 г. Анкета опроса содержит вопросы о том, из каких источников респондент узнает новости, а также о его политических предпочтениях.

В таблице 1 представлены корреляции между интенсивностью использования различных медиа для получения новостей. Как видно, корреляции для большинства пар источников новостей положительны, что, по всей видимости, отражает общий интерес респондента к новостям: интенсивное использование некоторого медиа означает интерес к новостям и, следовательно, повышает вероятность использования и любого другого медиа. Единственным исключением является отрицательная связь между телевизором, с одной стороны, и интернетом и социальными сетями – с другой. То, что телезрители с меньшей вероятностью ищут новости в интернете, можно рассматривать как свидетельство сегментации аудитории на телезрителей и интернет-пользователей. В дальнейшей части работы будет проведено рассмотрение влияния потребления теленовостей и новостей в интернете на идеологическую позицию.

Таблица 1

Полихорические корреляции ответов на вопросы о частоте использования различных источников новостей*

Интернет	Сети	Мобильный	E-mail	Радио	Разговоры с друзьями...	Газеты	ТВ	Источники новостей
1,00	0,83	0,62	0,67	0,17	0,41		-0,13	Интернет
	1,00	0,57	0,66	0,15	0,40		-0,22	Социальные сети
		1,00	0,69	0,29	0,30	0,16		Мобильный телефон
			1,00	0,28	0,29	0,18		E-mail
				1,00	0,31	0,28	0,30	Радио
					1,00	0,17	0,26	Разговоры с друзьями...
						1,00	0,30	Газеты
							1,00	ТВ

*Все представленные корреляции значимы на уровне 0,99.

Переменные

Экономический консерватизм

Анкета содержит блок из девяти вопросов (№ 241–249), предваряемых общим заголовком: «На Ваш взгляд, насколько важным условием демократии является то, что я Вам буду называть?» Логически возможны два способа интерпретации этих вопросов: (1) респонденты рассуждают о содержании понятия «демократия» и/или о факторах, способствующих установлению демократии, безотносительно своего личного отношения к демократии (подобным же образом могут быть заданы вопросы, например, о монархии, теократии, тоталитаризме); (2) респонденты имплицитно соглашаются с тем, что демократия является благом, а потому фактически отвечают на вопросы о том, насколько перечисляемые особенности государственного устройства, по их мнению, желательны. Вторая трактовка позволяет использовать указанные вопросы для реконструкции политических предпочтений респондента.

В литературе можно найти работы, авторы которых исходят из первого варианта интерпретации – они исследуют то, как граждане разных стран понимают смысл демократии [напр., Knutsen, Wegmann, 2016; Zagrebina, 2020]. Также встречаются и работы, авторы которых трактуют ответы на вопросы этой группы как выражение политических предпочтений респондентов [напр., McGee et al., 2019; Koh et al., 2016; Czegl̄ydi et al., 2021]. В качестве аргумента против такой трактовки можно выдвинуть предположение, что среди россиян есть группа противников демократического устройства, чье представление о чертах демократии не соответствует представлению о чертах идеального общественного устройства России.

Наличие группы таких последовательных анти-демократов можно попытаться обнаружить, анализируя ответы на другие вопросы анкеты. Так, при ответе на вопрос «Насколько по шкале от «1» («совсем не важно») до «10» («очень важно») для вас важно жить в демократической стране?» (№ 250), 20,1% россиян выбрали варианты от «1» до «5», что больше, чем, например, среди жителей Германии (3,1%). Однако тех, для кого жить в демократической стране «совсем не важно», меньше трех процентов среди россиян. В анкете имеется также блок из нескольких вопросов (№№ 235–239), спрашивающих о том, насколько хорошей или плохой для России является та или иная формы правления. Среди вариантов есть сильный лидер, демократия, власть экспертов. Указанные варианты определяют взаимоисключающие способы принятия политических решений: авторитарный, демократический и технократический, нивелирующий сферу политического. Отсюда следовало бы ожидать, что респонденты с устойчивыми антидемократическими представлениями должны выбирать авторитарный или технократический стиль и низко оценивать демократический, потому корреляции между ответами будут отрицательными. В действительности это не так (см. табл. 2): корреляции незначимы, либо положительны. Более того, ответ на вопрос о том, насколько для респондента важно жить в демократической стране (№ 250), не имеет значимых корреляций с предпочтением сильного лидера или власти экспертов.

Корреляция между ответами о степени предпочтительности той или иной формы правления для России*

Демократия	Лидер	Эксперты	Формы правления
1,00		0,10	Демократия
	1,00	0,15	Сильный лидер
		1,00	Эксперты

*Все представленные корреляции значимы на уровне 0,99.

На основе вышесказанного разумно допустить, что респонденты не имеют четкого формализованного представления о том, что такое демократия, не мыслят о ней как о специфической, отличной от прочих, форме организации политической власти. Отвечая на вопрос о чертах демократии, они понимают этот термин приблизительно как «хорошее» устройство государства, а следовательно, данные ответы выражают их нормативные представления – идеологическую позицию. Дополнительным аргументом является то, что ответы на вопросы об удовлетворенности работой политической системы в России и об оценке демократичности правления в России (№№ 251–252) имеют высокую степень корреляции: 0,66.

Для построения показателя экономического консерватизма использованы три вопроса: [чертой демократии является] правительство берет налоги с богатых для поддержки бедных, безработные получают государственное пособие, государство обеспечивает равенство доходов. Шкалы ответов инвертированы так, что большее значение соответствует большему неприятию редистрибутивной политики. Экономический консерватизм был получен как латентная переменная конфирматорного факторного анализа (CFA) на этих трех переменных.

Источники новостей

Две переменные характеризуют профиль источников новостей: частота использования интернета и телевизора для получения новостей. Шкалы имеют пять градаций от «никогда» до «каждый день».

Возраст

Учитывая высокую вероятность того, что возраст имеет нелинейную связь как с предпочтением того или иного медиа в качестве источника новостей, так и с политическими предпочтениями, в модель введен как сам возраст, так и его квадрат.

Образование

В модель введено как образование респондента, так и наивысшее образование родителей. Образование родителей позволяет учесть эффект социализации в родительской семье. Образование респондента и родителей закодировано бинарными переменными (респондент: «1» – «есть высшее образование», «0» – «нет высшего образования»; родители: «1» – «есть полное среднее образование», «0» – «нет полного среднего образования»).

Шкалы отличаются, поскольку ценность образования определяется относительным образом, в то время как структура уровней образования в поколениях отцов и детей отличается.

Доход

В качестве переменной дохода использована самооценка дохода респондентом по десятибалльной шкале. Вопросы о доходе в денежных единицах анкета не содержит.

Результаты

На первом этапе работы было проведено сравнение двух МНК регрессий. Первая из них содержит только социально-демографические показатели, тогда как вторая включает также переменные, отражающие источники новостей (см. табл. 3).

Таблица 3

Факторы экономического консерватизма, результаты МНК-регрессия

Факторы экономического консерватизма	Модель 1	Модель 2
Возраст/10	-0,148 (0,043) ^{***}	-0,108 (0,043) [*]
Возраст ² /100	0,015 (0,004) ^{**}	0,013 (0,004) ^{**}
Образование	0,066 (0,029) [*]	0,041 (0,029)
Образование родителей	0,115 (0,034) ^{***}	0,095 (0,034) ^{**}
Доход	0,042 (0,007) ^{***}	0,038 (0,007) ^{***}
ТВ		-0,038 (0,011) ^{***}
Интернет		0,040 (0,009) ^{***}

Примечание. В круглых скобках указаны стандартные ошибки: ^{***}p<0.001, ^{**}p<0.01, ^{*}p<0.05.

Как и ожидалось, связь предпочтений с возрастом имеет нелинейный характер в обеих моделях. Наиболее либеральная (наименее консервативная) позиция характерна для людей среднего возраста (40–50 лет). Более молодые и старые с большей вероятностью придерживаются анти-редистрибутивных взглядов. Данный результат нельзя назвать полностью ожидаемым, его объяснение требует дополнительных исследований.

В модели 1 образование (как родителей, так и респондента) и доход повышают степень консервативности респондента. В модели 2 эффект указанных переменных сохраняется, за исключением образования респондента. Данный результат соответствует полной медиации эффекта образования эффектами медиа-репертуара.

Учитывая наличие двух переменных-медиаторов, наиболее удобным способом анализа является моделирование структурными уравнениями (SEM). Полученная модель представлена на рисунке 1 и в таблице 4. Диагностические показатели модели соответствуют конвенциональным требованиям: RMSEA = 0,049; CFI = 0,992; TLI = 0,982.

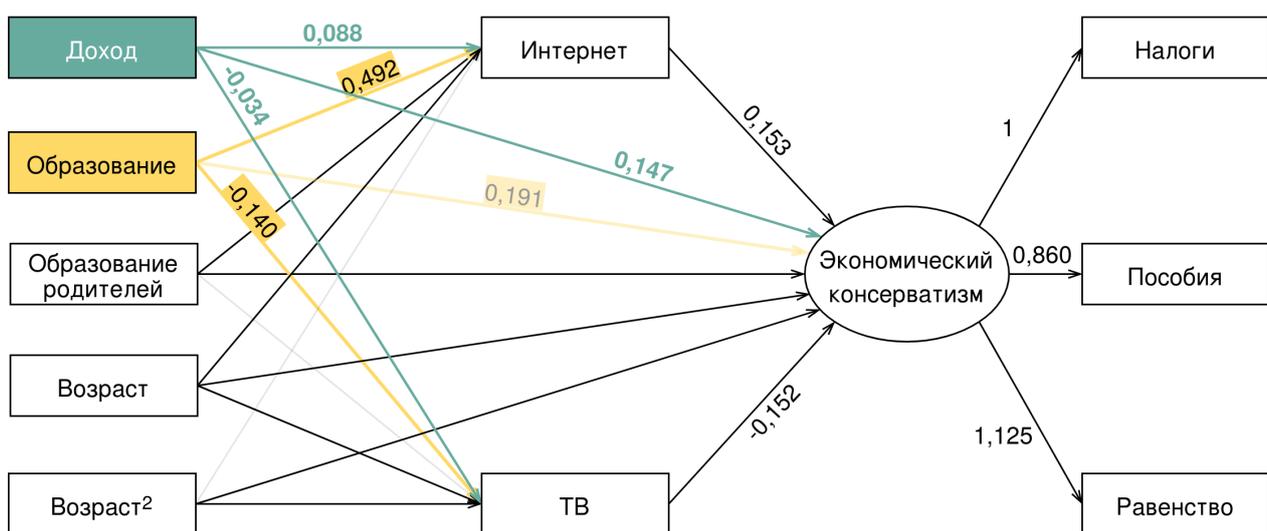

Рис. 1. Модель структурных уравнений факторов экономического консерватизма. Представлены только величины эффектов дохода и образования. Светло-серые стрелки отражают незначимые связи

Таблица 4

Эффекты образования и дохода на экономический консерватизм

Эффекты	Образование	Доход
Прямой эффект	0,191 (0,109)	0,147 (0,027)***
Медируемый переменной «интернет»	0,075 (0,021)***	0,014 (0,004)**
Медируемый переменной «ТВ»	0,021 (0,012)	0,005 (0,003)
Общий эффект	0,288 (0,109)**	0,166 (0,027)***

Примечание. В круглых скобках указаны стандартные ошибки: *** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$.

Как и в регрессионной модели, наблюдается полная медиация эффекта образования: общий эффект образования значим, тогда как прямой эффект – нет. Собственный эффект просмотра теленовостей значим, но медирующий эффект теленовостей не значим ни для образования, ни для дохода. Следует отметить, что, в отличие от образования, прямой эффект дохода сохраняется значимым.

Заключение

В данной работе представлена попытка вскрыть один из возможных механизмов влияния социального положения человека на его политические предпочтения, а именно, эффект использования телевизора или интернета для получения новостной информации. Роль медиа активно дискутируется в обществе, журналисты и эксперты часто противопоставляют интернет-аудиторию и аудиторию центральных телеканалов. Медиа предпочтения превращаются в социальные маркеры. Таким образом, крайне популярная в мировой литературе тема информационной сегрегации и поляризации оказывается также весьма актуальной и для России.

Главная цель исследования – продемонстрировать с помощью вторичного анализа данных саму возможность выявления статистически значимых эффектов, свидетельствующих о сегрегации медиа-аудитории. Было получено, что эффект выбора источника новостной информации полностью опосредует влияние образования и частично – дохода. Указанные свидетельства позволяют ожидать, что анализ специально собранных данных позволит существенно продвинуться в понимании структурных связей между социальным пространством и пространством медиа-потребления.

Следует также отметить, что анализ имеет некоторые ограничения. Вопросы, использованные для получения зависимой переменной, могут интерпретироваться респондентам различным образом, и это различие может быть связано в том числе с социальными показателями. Необходимы дальнейшие исследования для подтверждения или коррекции полученных результатов.

Список литературы

Аникин В. А. Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? / В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк // Мир России. 2020. Т. 29, № 1. С. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52.

Коротаев С. А., Гасюкова Е. Н. Социальные различия и политическое участие: медирующая роль идеологических предпочтений // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 3. С. 99–135. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-99-135.

Коротаев С. А., Гасюкова Е. Н. Политические предпочтения: эффект экономической уязвимости // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31, № 1 (в печати).

Zagrebina A. Concepts of democracy in democratic and nondemocratic countries // International Political Science Review. 2020. Vol. 41, № 2. P. 174–191.

Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. Political Conservatism and Left-Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries // Political Psychology. 2013. Vol. 34, № 3. P. 409–417. DOI: 10.1111/pops.12000.

Boдрunova S., Litvinenko A. Fragmentation of society and media hybridisation in today's Russia: How Facebook voices collective demands // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 1. С. 113–124.

Borisova E., Govorun A., Ivanov D. Bridging or bonding? Preferences for redistribution and social capital in Russia / IMT School for Advanced Studies Lucca. Series EIC «EIC working paper series». 2016. № 5.

Czeplüdi P., Lips B., Newland C. The Economic Mentality of Nations // Cato Journal. 2021. Fall. URL: <https://www.cato.org/cato-journal/fall-2021/economic-mentality-nations?fbclid=IwAR3tIFdewKmipasWxVQsfDwiYFbaTh3-P3cMVM5m38eptlJ8EXl4qpdqrRY#constructing-giem> (дата обращения: 30.11.2021).

Evans G., Heath A., Lalljee M. Measuring left-right and libertarian values in the British electorate // *British Journal of Sociology*. 1996. Vol. 47, № 1. P. 93–112.

Flaxman S., Goel S., Rao J. M. Filter bubbles, echo chambers, and online news consumption // *Public opinion quarterly*. 2016. Vol. 80, № S1. P. 298–320.

Fleishman J.A. Attitude organization in the general public: Evidence for a bidimensional structure // *Social Forces*. 1988. Vol. 67, № 1. P. 159–184.

Goel S., Mason W., Watts D.J. Real and perceived attitude agreement in social networks // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 99, № 4. P. 611–621.

Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. (eds.). World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2020. DOI: 10.14281/18241.13.

Hart W., Albarracín D., Eagly A.H., Brechan I., Lindberg M.J., Merrill L. Feeling validated versus being correct: a meta-analysis of selective exposure to information // *Psychological Bulletin*. 2009. Vol. 135, № 4. P. 555–588.

Hosanagar K., Fleder D., Lee D., Buja A. Will the global village fracture into tribes? Recommender systems and their effects on consumer fragmentation // *Management Science*. 2014. Vol. 60, № 4. P. 805–823.

Knutsen C.H., Wegmann S. Is democracy about redistribution? // *Democratization*. 2016. Vol. 23, № 1. P. 164–192. DOI: 10.1080/13510347.2015.1094460.

Koh S.G., Lee G.H., Bomhoff E.J. The dynamics of public opinion towards inequality in Malaysia // *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2016. Vol. 21, № 4. P. 578–598.

McGee R.W., Benk S., Yüzbaşı B. Should governments tax the rich and subsidize the poor? A comparative study of Muslim and Christian respondents // *Religions*. 2019. Vol. 72, № 10. P. 1–10.

Mochmann I.C., El-Menouar Y. Lifestyle Groups, Social Milieus and Party Preference in Eastern and Western Germany: Theoretical Considerations and Empirical Results // *German Politics*. 2005. Vol. 14, № 4. P. 417–437.

Negroponte N. *Being Digital*. New York, NY: Alfred A. Knopf, 1995. 272 p.

Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from*. New York: Penguin Press, 2011. 294 p.

Rueda D. Food comes first, then morals: Redistribution preferences, parochial altruism, and immigration in Western Europe // *The Journal of Politics*. 2018. Vol. 80, № 1. P. 225–239.

Sunstein C.R. *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 328 p.

Н. С. Воронина¹

Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект²

DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3

Воронина Наталья Сергеевна

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: navor@bk.ru

Author ID РИНЦ: 725230

Для цитирования: Воронина Н. С. Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифровизации. С. 28–51. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.3

Аннотация. В статье рассматривается гендерный аспект цифрового неравенства. На основе анализа результатов предшествующих исследований показано, что гендерное неравенство, проявляющееся в патриархальных установках, выступает в качестве одной из причин, усугубляющих цифровое неравенство между мужчинами и женщинами.

С помощью эмпирической базы данных ESS за 2016–2018 гг. выявлено, что процент интернет-пользователей обоих полов увеличился за исследуемый период, однако доля мужчин, которые стали пользоваться интернетом ежедневно, больше, чем доля женщин во всех европейских странах. Среди тех, кто никогда не пользовался интернетом, больше женщин. В странах Скандинавии – Исландии, Норвегии и Швеции – наименьший процент женщин, которые не пользуются интернетом, а наибольший их процент в России, Венгрии и Болгарии.

Также с помощью эмпирических данных показано, что существует связь между патриархальными/эгалитарными установками и цифровым неравенством в России: респонденты обоих полов, разделяющие эгалитарные установки, больше пользуются интернетом. Среди тех, кто реже пользуется интернетом, больше респондентов с патриархальными установками. Полученные результаты будут уточнены и дополнены в будущих исследованиях.

Ключевые слова: цифровое неравенство, гендерное неравенство, интернет-пользователи, STEM, цифровые навыки.

Совсем недавно использование цифровых технологий было роскошью, доступной единицам. В наши дни обучение в школе, в университете, а также овладение большинством профессий, хотя бы в некоторой степени требует освоения цифровых навыков. Согласно данным отчета о состоянии цифровой сферы «Digital 2020», «на начало 2020 г. более 4,5 миллиарда людей пользуются интернетом» [Digital 2020, 2020] и это число продол-

¹ Voronina N. Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации», поддержанного РНФ, грант № 21-18-00489.

жает увеличиваться [Cooper, 2006: 320], частично это связано с увеличением средств связи, таких как смартфоны, планшеты, точек доступа и увеличения скорости работы интернета.

Цифровая грамотность рассматривается как преимущество в трудоустройстве, она связана с более высоким потенциалом заработка, около 90% рабочих мест во всем мире имеют цифровую составляющую [What we know..., 2021: 3]. Были проведены многочисленные исследования [Davaki, 2018], показывающие, что цифровые технологии могут быть инструментом расширения прав и возможностей людей, сохранения их здоровья, обеспечения питанием, образованием, повышения качества жизни и, как следствие, уменьшения общественного неравенства. С другой стороны, неравный доступ к цифровым технологиям является препятствием, «делаящим бедных беднее, укрепляющим власть элиты и препятствующим экономическому развитию» [Hawkins, Hawkins, 2003: 646].

Когда интернет только создавался, его потенциал в плане расширения возможностей для традиционно подчиненных групп оценивался как положительный, но со временем стало ясно, что доступ к интернету неравномерно распределен между различными социальными группами [Norris, 2001], а «гендерное неравенство является одним из самых показательных неравенств, которое еще больше усугубляется цифровой революцией» [Лихобабин, 2006: 3]. Результаты исследований в области цифрового неравенства, под которым в общем смысле понимают отсутствие или недостаточность доступа к цифровым технологиям (прежде всего к интернету), констатируют, что женщины оказываются в невыгодном положении. Мужчины по всему миру имеют больше доступа к интернету [Kennady, Wellman, Klement, 2003: 149–172] и, как следствие, больше навыков, дающих им больше возможностей для улучшения жизненных шансов. Показано, что существующее цифровое неравенство будет приводить к углублению неравенства между мужчинами и женщинами во многих других областях. Женщины, не имеющие доступа к интернету и не имеющие соответствующего уровня компьютерных компетенций, могут быть лишены прибыльных мест для трудоустройства и рискуют получать более низкую заработную плату, чем мужчины [Mariscal, Mayne, Aneja, Sorgner, 2019: 2]. В свою очередь, авторы высказывают предположение о том, что положительных аспектов цифровизации можно добиться при равномерном вовлечении в цифровизацию всех слоев населения, а в контексте рассматриваемой нами проблемы – при уменьшении цифрового неравенства¹ между мужчинами и женщинами. Актуальность цели достижения гендерного равенства в сфере ИКТ подчеркивается в докладе об устойчивом развитии общества, призывая «активизировать использование передовых технологий, в частности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), для содействия расширению прав и возможностей женщин» [Women empowerment..., 2016].

В качестве исторической справки отметим, что интернет был изобретен в 1969 г. XX в. и первое время практически полностью использовался мужчинами [Morahan-Martin, 1988: 3]. С тех пор в обществе произошли изменения, и устройства с доступом в интернет стали нормой в обиходе людей обоих полов большинства стран. В связи с этим, логично предположить, что гендерное неравенство в использовании ИКТ должно было

¹ Ввиду ограничений имеющихся у автора эмпирических данных, в настоящем исследовании цифровое неравенство будет определяться как неравенство в пользовании интернетом.

с годами сгладиться, тем не менее, исследования показывают, что различия в использовании сохраняются [Bujala A., 2012: 51]. Исследователи А. Буйала [Bujala, 2012: 49–67], Э. Б. Вайзер [Weiser, 2004: 167–178], К. Вест, Д. Циммерман [West, Zimmerman, 1987: 125–152], например, связывают подобное неравенство использования интернета прежде всего с устоявшимися патриархальными представлениями о гендерных ролях, согласно которым, женщины должны нести ответственность за домашнюю работу и меньше времени проводить в сети, в то время как мужчина должен быть добытчиком в семье и с большей вероятностью может освоить информационные технологии, используя их затем в работе [West, Zimmerman, 1987: 125–152]. Подобное распределение гендерных ролей много раз описывалось в литературе, например, Э. Тоффлером, который соотносил данное разделение ролей с индустриальным периодом развития обществ: «Мужчины, подготовленные с детства к своей роли на предприятии ... поощрялись к тому, чтобы быть «объективными». Женщины, с самого своего рождения нацеленные на выполнение репродуктивной функции, воспитание детей и нудную домашнюю работу, т. е. деятельность, осуществляемую в значительной степени в социальной изоляции, – учились тому, чтобы быть «субъективными», и часто их считали лишенными способности к какому-либо рациональному аналитическому мышлению, которое, как полагали, требует объективности» [Тоффлер, 2004: 37]. Несмотря на то, что мир изменился и сейчас многие женщины успешно работают при наличии детей, исследования показывают, что патриархальные представления сильны во многих европейских странах [The Global Gender..., 2018]. Согласно данным EVS¹ за 2017 г., наиболее эгалитарные представления в Швеции, Дании, Исландии, Нидерландах, Норвегии, а наиболее патриархальные взгляды распространены в странах бывшего Советского Союза, таких как Беларусь, Грузия, Россия, Азербайджан и Армения². Существуют единичные исследования, которые показывают уменьшение различий между мужчинами и женщинами в отношении использования интернета [How Women and Men..., 2005], однако они воспроизводятся, в основном, в Америке.

Цель нашего анализа – определить ключевые факторы, влияющие на неравенство в использовании интернета в гендерном аспекте в России и Европе. Нашим основным источником данных было Европейское социальное исследование³, в котором существует возможность анализа использования интернета мужчинами и женщинами России и стран Европы.

В связи с этим, основные вопросы нашей статьи:

1. Существуют ли гендерные различия в использовании интернета в России и европейских странах?
2. В каких странах гендерный разрыв в использовании интернета минимален, а в каких – максимален?
3. Какие факторы связаны с частотой использования интернета мужчинами и женщинами?

¹ Европейское исследование ценностей.

² Данный результат был получен А. А. Гречаной в магистерской диссертации: «Представления мужчин и женщин о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных EVS», защищенной в 2021 г. в ГАУГН.

³ Далее везде ESS.

Связь цифрового и гендерного неравенства

В настоящее время не существует единого общепринятого определения понятия цифрового неравенства. Этот термин, который на английском звучит как «digital divide» был впервые использован в газетах США в 1995 г. [Van Dijk, 2020]. Данный термин имеет разные переводы в отечественных исследованиях, например, «цифровой разрыв», «цифровой барьер», «цифровое неравенство», и часто они используются как синонимы.

В отечественных исследованиях существуют работы, посвященные анализу подходов к определению цифрового неравенства, например, Д. Е. Добринская, Т. С. Мартыненко [Добринская, Мартыненко, 2019] приводят анализ существующих работ по теме, где излагают трехуровневую модель понимания цифрового неравенства, которая наиболее часто применяется в научных исследованиях. Авторы приводят следующую градацию: цифровое неравенство первого уровня включает в себя понимание неравного доступа к цифровым технологиям, прежде всего к интернету, и измеряет количество времени, проведенного в сети, цифровое неравенство второго уровня включает неравное владение навыками пользования цифровыми технологиями [Kularski, Moller, 2012]. Цифровой разрыв третьего уровня связан с возможностями индивида повысить свои жизненные шансы с помощью цифровых технологий [Добринская, Мартыненко, 2019: 113]. Существуют и другие модели изучения цифрового неравенства, например Дж. ван Дейк [Van Dijk, 2020] считает, что необходимо изучать мотивацию пользования. У людей может быть доступ к цифровым технологиям, однако не быть желания и интереса овладеть навыками пользования. Тем не менее включение мотивационной составляющей остается дискуссионным [Гайнанов, Шарифьянов, 2014: 9], так как до конца не определено, на какой уровень стоит поместить эту составляющую: перед доступом или же мотивация должна учитываться, когда у человека уже есть определенные навыки и он может осознанно решать, хочет ли осваивать цифровые технологии или нет.

Факторы, влияющие на цифровое неравенство между мужчинами и женщинами

Исследования показали, что цифровое неравенство связано с такими социально-демографическими характеристиками, как пол, возраст, уровень дохода, уровень образования, тип населенного пункта [Волченко, 2016]. В дальнейшем было произведено более детальное изучение связи между цифровым неравенством и отдельными социально-демографическими характеристиками, в том числе было рассмотрено цифровое неравенство в гендерном измерении. Для того, чтобы описать цифровое неравенство среди мужчин и женщин, исследователи используют различные термины, такие как «цифровой гендерный разрыв», «цифровая дискриминация» [Торопова, Соколова, Гусейнов, 2020], «гендерное цифровое неравенство». В целом, под этими терминами понимают «неравные возможности использования ИКТ между мужчинами и женщинами в социальной,

политической, экономической и культурной областях» [Abu-Shanab, Al-Jamal, 2015: 95], а также как «недопредставленность женщин в секторе ИКТ» [Gargallo-Castel, Esteban-Salvador, Pérez-Sanz, 2010]. В нашем исследовании мы предпочитаем разграничивать понятия цифрового и гендерного неравенства, понимая под гендерным неравенством, прежде всего, неравенство в распределении гендерных ролей, и как следствие, неравенство в порядке внутрисемейных отношений, а цифровое неравенство как неравенство в использовании цифровых технологий, так как остальные уровни неравенства являются следствием первого (см. рис. 1). Таким образом, в исследовании мы предполагаем, что гендерное неравенство связано с цифровым. Перейдем к более подробному обсуждению тезиса о том, что гендерное неравенство усугубляет цифровое.

Согласно исследованию Т. Кеннади, Б. Велмэна и К. Клемента, «цифровой разрыв – это не просто проблема доступа, но и препятствие для использования интернета. Даже когда у женщин и мужчин равный доступ к интернету дома, на работе или в школе, они имеют неодинаковые возможности по его использованию» [Kennady, Wellman, Klement, 2003: 150]. В связи с чем важно изучение причин, делающих возможности по использованию интернета мужчинами и женщинами неодинаковыми. Глубоко укоренившиеся культурные предубеждения, стереотипы, согласно которым женщины считаются менее способными по сравнению с мужчинами к освоению цифровых технологий, приводят нас к причинам гендерного неравенства, которое усугубляет цифровое.

Гендерная социализация

Родительская семья, школа, религия, университет, а также СМИ [Kennady, Wellman, Klement, 2003: 151] могут быть агентами социализации, ретранслирующими предубеждения, которые влияют на ограничение доступа женщин к цифровым технологиям. Так, в исследованиях Э. Абу-Шанаб, Н. Аль-Джамал [Abu-Shanab, Al-Jamal, 2015], М. Кирмани, М. Дэвис, М. Калянпур [Kirmani, Davis, Kalyanpur, 2009] показано, что в школе акцентируют внимание на различии гендерных ролей девочек и мальчиков. Например, когда девочек учат готовить, шить и домашним обязанностям, а мальчиков – строгать рубанком, резать металл и другим «чисто мужским делам» [Kimbrough, Guadagno, Muscanell, Dill, 2013]. В СМИ, фильмах, компьютерных играх часто акцентируется образ мужчины, показанный как превосходящий женщин в умственных навыках и физической силе [Alsaleh, Rashad, 2012].

Гендерные стереотипы

В качестве причин гендерного неравенства, влияющего на цифровое, исследователи [Cooper, 2006] выделяют воспроизводство стереотипов в социальной среде, согласно которым информационные технологии ассоциируются с мужским делом. В семьях считается, что девочка сможет хуже освоить ИКТ, чем мальчик. Несмотря на то, что, например, в России, число женщин, имеющих высшее образование больше, чем мужчин,

С. Г. Айвазова [Айвазова, 2017: 389] отмечает следующий тренд: родители все чаще выбирают возможность дать лучшее образование мальчику, а не девочке, если встает такой выбор. Таким образом, превалирующие патриархальные гендерные стереотипы могут, в частности, приводить к тому, что женщины будут реже выбирать STEM-профессии (Science, Technology, Engineering, Maths), даже при наличии высокого уровня образования и необходимых навыков, сталкиваясь с проблемой «стеклянного потолка» и меньшей зарплатой на одинаковой с мужчиной должности [Хоткина, 2018].

Описанные выше гендерная социализация и гендерные стереотипы приводят к патриархальному порядку внутрисемейных взаимодействий. Согласно патриархальным представлениям, женщины должны нести ответственность за всю домашнюю работу, так как это «не мужское дело» [West, Zimmerman., 1987: 125]. Э. И. Розен также пишет о несправедливости патриархального порядка внутрисемейных взаимодействий, называя его двойным рабочим днем для женщин: «когда женщины приходят домой с оплачиваемой работы, чтобы приготовить еду, помыть посуду, позаботиться о капризных детях и уставших мужьях, а большую часть выходных заниматься стиркой и уборкой дома» [Rosen, 1987: 93]. При подобной системе внутрисемейных взаимодействий многие женщины сталкиваются с нехваткой времени на интернет.

Причем, возможно, что такое положение женщин не рассматривается ими самими как неравенство, что способствует дальнейшему воспроизведению, сложившемуся порядка внутрисемейных взаимодействий, который вероятно воздействует на цифровое неравенство в пользу мужчин.

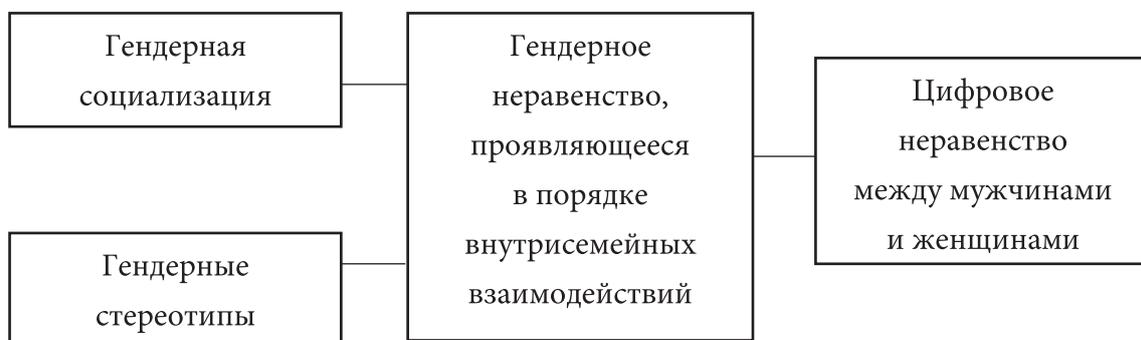

Рис. 1. Схема связей гендерного и цифрового неравенства

Б. Бимбер приводит в своем исследовании другое объяснение цифрового неравенства среди мужчин и женщин, он считает, что медиатором этого неравенства является «социально-экономический статус: образование, доход и статус работы связаны с использованием интернета, поэтому в рядах пользователей интернета появляется больше мужчин, чем женщин» [Vimber, 2000: 2]. По мнению автора, влияние гендерного неравенства на цифровое преувеличено. Исследователь считает, что, например, неравенство в образовании переходит и в сферу цифрового неравенства, так как известно, что люди с высшим образованием больше пользуют-

ся интернетом, чем те, кто его не имеют. Представляется, что в России этот вывод вряд ли был бы верен, так как количество женщин с высшим образованием больше, чем мужчин, но цифровое неравенство сохраняется.

Среди факторов, влияющих на недопредставленность женщин в сети, выделяют экономические [Davaki, 2018: 54] (недостаток средств для использования интернета, а также в целом низкий уровень дохода коррелирует с меньшим использованием интернета), культурные (гендерное неравенство, формирующееся в результате гендерной социализации, формирования гендерных стереотипов, которые приводят к ограничениям по времени, которое они могут затрачивать на использование интернета из-за совмещения работы, воспитания детей, обязанностей по дому; а также уровень религиозности и принадлежность к определенной конфессии: исследования показали [Neriya-Ben Shahar, Lev-On, 2011], что в странах, где распространен патриархальный уклад на уровне религии (мусульманские страны) и где уровень религиозности у респондентов высок, гендерный разрыв в использовании интернета больше, социально-демографические (возраст: более молодые люди обоих полов чаще используют интернет; тип поселения: жители крупных городов чаще используют интернет; уровень образования/количество лет обучения: чем больше человек учится, тем более вероятно он будет больше использовать интернет), безопасность в сети [Hafkin, Huyer, 2007] (девочки чаще подвергаются насилию в сети, женщины объективизируются, что тоже может быть причиной, влияющей на нежелание женщин быть в сети).

В таблице 1 приведены наиболее цитируемые эмпирические исследования пользования интернетом среди мужчин и женщин. В целом в большинстве исследований, которые нам удалось найти, говорилось о возможном воздействии определенных факторов гендерного неравенства, которые могли бы влиять на цифровое неравенство, но в действительности только единичные исследования осуществляли эту эмпирическую проверку. В частности, такая проверка показала значимый результат в мусульманских странах, например, в Иордании. Однако, эти исследования были проведены внутри отдельных стран, нам не удалось найти распределений стран по пользованию интернетом среди мужчин и женщин и факторов, влияющих на эти распределения в сравнительном контексте.

Таблица 1

Исследования, посвященные гендерному аспекту цифрового неравенства

Место проведения исследования, год Название исследования	Авторы, год публикации	Измерения цифрового разрыва	Факторы гендерного неравенства	Результат
Волгоградская область, 2020. Нет названия	Груздева М.А. (2021)	<ol style="list-style-type: none"> 1) Цели использования интернета 2) Интернет навыки 3) Самооценка повышения жизненных шансов при помощи интернета 	Не было проведено эмпирической проверки данных факторов	<ol style="list-style-type: none"> 1) Мужчины и женщины используют интернет для использования соц. сетей 2) Женщины превосходят мужчин по всем проверяемым навыкам в исследовании, кроме навыков программного обеспечения, работы с операционной системой, программирования 3) Нет различий в самооценке получения жизненных шансов
США. National Geographic Survey; 2000 и General Social Survey 2000–2002 гг.	Kennady T., Wellman B., Klement K. (2003)	<ol style="list-style-type: none"> 1) Продолжительность использования интернета 2) Отношение к интернету 3) Безопасность в сети 4) Цели использования 	Не было проведено эмпирической проверки данных факторов	<ol style="list-style-type: none"> 1) Большинство мужчин раньше впервые начали пользоваться интернетом, чем женщины 2) Мужчины и женщины одинаково положительно относятся к сети интернет, но среди женщин больше тех, кто считает интернет каналом связи для поддержания семейных отношений 3) Большинство женщин считают интернет небезопасным и считают, что он изолирует людей от реального общения, в отличие от мужчин, которые с этими утверждениями не согласны 4) Как мужчины, так и женщины используют социальные сети и почту. Мужчины чаще используют интернет для работы и покупок, чем женщины, которые больше используют интернет для поиска информации о здоровье

Продолжение таблицы 1

Место проведения исследования, год Название исследования	Авторы, год публикации	Измерения цифрового разрыва	Факторы гендерного неравенства	Результат
Великобритания, 2002. Нет названия	Joiner R., Gavin J., Duffield J., Bronsan M., Stook C., Durndell A., et al. (2005)	1) Частота использования интернета 2) Цели использования интернета	Не было проведено эмпирической проверки данных факторов	1) Мужчины чаще используют интернет, чем женщины 2) Большинство мужчин используют интернет для игр и развлечений, большинство женщин для общения (социальные сети)
Иордания, 2015. Нет названия	Abu-Shanab E., Al-Jama N. (2015)	1) Частота использования интернета	1) Влияние культурных традиций на использование интернета 2) Роль системы образования (гендерной социализации) в использовании интернета 3) Считают ли мужчины, что женщины не должны использовать интернет	1) Мужчины чаще используют интернет, чем женщины 2) Большинство респондентов обоих полов считают, что культурные традиции и система образования усугубляют цифровое неравенство 3) Половина респондентов-мужчин из выборки считают, что женщины не должны пользоваться интернетом

Российские и зарубежные исследования гендерного аспекта цифрового неравенства

Анализ предыдущих работ по рассматриваемой теме показал, что на данный момент среди российских исследований существует очень мало эмпирических исследований, где было бы показано, как различается пользование цифровыми технологиями среди мужчин и женщин. Исключение составляет работа М. А. Груздевой [Груздева, 2021], в которой показано, что российские мужчины и женщины преимущественно используют интернет для проведения времени в социальных сетях. Автор обосновывает вывод о том, что российские женщины превосходят мужчин по всем проверяемым навыкам, представленным в исследовании, кроме навыков программного обеспечения, работы с операционной системой, программирования. К важным выводам работы можно отнести то, что не было обнаружено различий в самооценке получения жизненных шансов мужчинами и женщинами из-за наличия или отсутствия цифровых навыков. К подобному выводу приходит, например, Н. Чудхури, однако она отмечает, что переменные, которые используются для измерения прав и возможностей, страдают от субъективности наполнения смыслом, недостатка обоснования выбранных показателей и эмпирической проверки [Choudhury, 2009: 341].

Большинство отечественных исследований [Золоторева, 2020; Хоткина, 2020; Говорова, 2020] концентрируются на интерпретации вторичных статистических данных о неравенстве в оплате труда женщин и мужчин, недопредставленности женщин в сферах STEM. Высказывается теоретическое предположение, что эти проявления гендерного неравенства влияют на цифровое неравенство среди мужчин и женщин. Однако данные предположения пока не получили эмпирической проверки в рамках собственного репрезентативного исследования по России, присутствуют лишь единичные, в основном, зарубежные исследования, включающие анализ некоторых европейских стран и России. Среди таких работ, например, публикация Э.А. Хоткиной о положении женщин в сфере STEM. Опираясь на данные исследования Microsoft 2017 г. [Why Europe's girls..., 2017], автором сделан важный вывод о том, что причиной, по которой женщины не работают в сфере STEM, является гендерное неравенство (проявляющееся в неравной оплате труда, «стеклянном потолке» и т. д.), а не отсутствие у них способностей, навыков в математике [Хоткина, 2018: 8].

Анализ зарубежных исследований показал, что *мужчины чаще пользуются интернетом, чем женщины* (по данным за 2019 г. более 50% женщин в мире не в сети) [GSMA Connected..., 2020; Joiner et al. 2005; Huang, Hood, Yoo, 2013], женщины используют в среднем более короткие периоды времени в интернете, чем мужчины. Причем вывод о том, что мужчины чаще пользуются интернетом, чем женщины, был воспроизведен в разные годы, в разных странах и в разных возрастных когортах [Seibert, 2007]. Эти же результаты воспроизводятся в России. Так, М. Б. Богданов, Д. В. Лебедев показали на данных RLMS-HSE, что в период с 2003–2015 гг. доля мужчин по частоте использования

интернета превалирует над женщинами, а наибольшая разница фиксируется в 2009 г. [Богданов, Лебедев, 2017: 131]. Однако, исследования, проведенные в США, показывают иную тенденцию – там гендерный разрыв в использовании интернета с годами сокращается, но сохраняется неравенство в целях использования [Odell et al., 2000].

Многие исследования, например, В. Хуанг, Д. Худ и С. Ю, [Huang, Hood, Yoo, 2013], показали, что *цели использования интернета у мужчин и женщин различаются*: женщины в большинстве своем используют интернет для коммуникации (социальные сети), в то время как мужчины для игр, онлайн обслуживания, программирования. Эти же результаты были воспроизведены и в других исследованиях, например, А. М. Кимбро с соавторами [Kimbrough et al., 2013].

Н. Л. Мусканелл, Р. Э. Гуаданьо [Muscanell, Guadagno, 2012] выявили, что при использовании социальных сетей женщины более сконцентрированы на поддержании и сохранении существующих у них связей, а мужчины больше заинтересованы в поиске новых знакомств. Т. Кеннеди и коллеги выявили, что женщины с большей осторожностью относятся к знакомству с новыми людьми в интернете [Kennedy et al., 2003]. Тем не менее стоит отметить, что исследование было проведено в 2003 г., и нам не удалось найти более свежих данных по данному аспекту.

Также было показано, что женщины более активно пользуются электронной почтой, чем мужчины [Weiser, 2004: 170]. Мужчины чаще ищут в интернете информацию о новостях, единственная сфера, в которой женщины более активно ищут информацию – это здоровье [Bujala, 2012: 54].

Также был зафиксирован факт того, что *женщины обладают меньшими навыками работы с компьютером и реже занимают рабочие места, связанные с ИКТ, чем мужчины*. Например, в исследовании Х. Сейберт [Seybert, 2007] за период с 2001 по 2006 гг. было показано, что доля женщин, работающих в сфере компьютеров, составляла на протяжении исследуемых лет 0,7%, а доля мужчин немного увеличилась с 2,3 до 2,6%. Также в этом исследовании Сейберт показала, что «во всех возрастных группах доля женщин со средним или высоким уровнем базовых компьютерных навыков была меньше, чем у мужчин» [Seybert, 2007: 1]. В других исследованиях было показано, что у женщин поиск информации в интернете обычно вызывает больше трудностей, чем у мужчин [Weiser, 2004: 169].

Женщины в среднем менее позитивно относятся к цифровым технологиям, в частности, к использованию интернета, чем мужчины, и они *выражают больше беспокойства и тревожности*, чем мужчины, по поводу использования интернета [Ford, Miller, 1996]. Женщины считают интернет местом повышенной опасности, подчеркивая, что там есть быстрый доступ к порнографии, распространены сексуальные домогательства [Weiser, 2004: 168], а также существует мошенничество.

В целом, приведенный обзор показал, что, во-первых, в России гендерный аспект цифрового неравенства остается недостаточно изученным, необходимо знание о пропорциях времени, проведенном в интернете мужчинами и женщинами на современном этапе, каковы их навыки и цели

и другие перечисленные нами аспекты цифровизации, а также знание о том, какие факторы влияют на цифровое неравенство. Во-вторых, анализ зарубежных публикаций показал, что основная часть исследований была проведена в 2000-х гг., с тех пор ситуация с цифровым неравенством в гендерном аспекте должна была измениться, однако, присутствует дефицит эмпирических исследований на эту тему. Мы отмечаем, что исследования не успевают за быстро меняющейся цифровой средой, вероятно, описанные нами различия в использовании интернета между мужчинами и женщинами могли претерпеть изменения с тех пор, как проводились эмпирические исследования.

Эмпирические данные и результаты

Эмпирическую базу исследования представляет Европейское социальное исследование (ESS), которое проводится, начиная с 2002 г. каждые два года. Россия начала принимать участие в исследовании с 2006 г., в нашей стране оно проводится Институтом сравнительных социальных исследований под руководством А. В. Андреевской. Преимуществом базы является ее высокая надежность, доступность данных и возможность анализа в динамике лет. На данный момент представлены 9 волн исследования, по 2018 г.

К сожалению, в условиях ограничения базы, на данном этапе мы не сможем проверить все перечисленные выше аспекты цифрового и гендерного неравенства, однако в дальнейшем мы планируем проведение собственного количественного опроса в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации»¹. Поэтому данное исследование мы будем рассматривать как предварительный этап, рассмотрим переменные, которые можно отнести к цифровому неравенству в базе ESS.

Для анализа цифрового неравенства в ESS присутствуют вопросы об использовании интернета: 1) Как часто Вы заходите в интернет – не важно, с какой целью и с какого устройства? Варианты ответа: 1. Никогда. 2. Лишь изредка. 3. Несколько раз в неделю 4. Большинство дней. 5. Каждый день². 2) В обычный день сколько примерно времени Вы проводите в интернете – не важно, с какой целью и с какого устройства? Пожалуйста, дайте ответ в часах и минутах. Вопрос номер два мы решили не включать в исследование, так как t-тест для независимых выборок показал, что нет статистически значимых различий между мужчинами и женщинами по потреблению интернета в день в минутах. В базе также отсутствуют переменные, которые бы отражали цели, навыки и др. аспекты цифровизации.

Мы не обнаружили переменных, которые бы отражали порядок внутрисемейных взаимодействий, поэтому для проверки факторов, влияющих на цифровое неравенство, поэтому нами были подобраны аналоги, отражающие гендерное неравенство через патриархальные/эгалитарные установки. Показатели, отражающие патриархальные/эгалитарные установки были измерены через переменную: когда рабочих мест мало, у мужчин должно быть

¹ URL: <http://new-inequalities.tilda.ws/>.

² Анкета ESS. URL: http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Wave_9_2018/Anketa_RSS_volna_9_Rossija.pdf

больше прав на работу, чем у женщин¹. Оценить предлагалось по 5-ти балльной шкале, где «1» – «полностью согласен», «2» – «согласен», «3» – «в чем-то согласен, в чем-то нет», «4» – «не согласен», «5» – «абсолютно не согласен». Согласие с данным утверждением будет интерпретироваться как наличие патриархальных установок, в то время как несогласие – как эгалитарных.

В таблице 2 представлены результаты частоты использования интернета среди мужчин и женщин в 2016–2018 гг.

Таблица 2

Цифровое неравенство среди мужчин и женщин в России в 2016–2018 гг., %

Частота использования интернета	Мужчины в 2016 г.	Женщины в 2016 г.	Мужчины в 2018 г.	Женщины в 2018 г.	Прирост/убыток с 2016 г. по 2018 г. Мужчины	Прирост/убыток с 2016 г. по 2018 г. Женщины
Никогда	28,5	34,7	17,2	26,5	11,2	8,2
Лишь изредка	9,5	9,5	6,2	8,2	3,3	1,3
Несколько раз в неделю	11,0	10,7	6,7	6,8	4,3	3,9
Большинство дней	8,1	7,0	9,6	7,7	1,5	0,7
Каждый день	42,9	38,1	60,3	50,8	17,4	12,7

Как видно из таблицы 2, процент пользователей интернета растет, однако, динамика роста у женщин меньше, чем у мужчин: так, с 2016 г. у мужчин, пользующихся интернетом каждый день, прирост составил 17,4%, а у женщин – 12,7%. Процент женщин, никогда не пользующихся интернетом, больше, чем у мужчин и в 2016 г. (34,7% против 18,5%), и в 2018 г. (26,5% против 17,2%).

На рисунке 2 представлено распределение по частоте доступа к интернету (вопрос о частоте пользования был перекодирован в дихотомическую шкалу, где «0» означает «не пользовались интернетом совсем», а все остальные варианты использования повторяют описанные выше). Как видно из результатов, страны, где наименьший процент женщин, ответивших, что они не пользовались интернетом – это страны Скандинавии: Исландия, Норвегия и Швеция. Это страны с высоким уровнем и качеством жизни, страны с самыми распространенными эгалитарными представлениями о гендерных ролях. Наибольший процент женщин, не пользующихся интернетом, в Болгарии, Венгрии и России.

В таблице 3 представлены результаты корреляционного анализа для стран с самым высоким и самым низким процентом женщин, пользующихся интернетом². В качестве переменных, связанных с частотой использования интернета, мы выбрали аналоги факторам, описанным выше, которые могут влиять на цифровое неравенство.

¹ Данная переменная есть в 2016 г., но, к сожалению, она отсутствует в базе 2018 г.

² Нам пришлось использовать для анализа данные 2016 г., так как в данных 2018 г. не было необходимого нам вопроса, отражающего патриархальные/эгалитарные установки. К сожалению, Болгария не участвовала в опросе за 2016 г.

Страна	Мужчины		Женщины	
	Да	Нет	Да	Нет
Исландия	96,4	3,6	97,6	2,4
Норвегия	98,2	1,8	97,5	2,5
Швеция	96,8	3,2	95,2	4,8
Нидерланды	95,5	4,5	94,3	5,7
Дания	94,6	5,4	93,2	6,8
Швейцария	93,4	6,6	91,3	8,7
Великобритания	92,9	7,1	90,9	9,1
Финляндия	91,7	8,3	90,8	9,2
Ирландия	88,9	11,1	89,2	10,8
Бельгия	91,1	8,9	86,6	13,4
Чехия	91,9	8,1	85,6	14,4
Германия	87,9	12,1	85,5	14,5
Эстония	87,3	12,7	84,5	15,5
Франция	88,5	11,5	84,4	15,6
Черногория	86,0	14,0	84,2	15,8
Австрия	87,6	12,4	81,5	18,5
Испания	85,4	14,6	80,2	19,8
Латвия	84,3	15,7	79,2	20,8
Литва	82,3	17,7	79,2	20,8
Словения	82,1	17,9	77,4	22,6
Кипр	79,6	20,4	76,9	23,1
Хорватия	79,1	20,9	76,7	23,3
Сербия	79,7	20,3	76,2	23,8
Словакия	82,1	17,9	74,6	25,4
Португалия	79,5	20,5	74,2	25,8
Италия	82,7	17,3	75,0	25,0
Польша	79,0	21,0	73,6	26,4
Россия	82,8	17,2	73,5	26,5
Венгрия	78,4	21,6	71,9	28,1
Болгария	72,3	27,7	68,2	31,8

Рис. 2. Распределение европейских стран по доступу в интернет, 2018 г., %

Как видно из результатов анализа, почти все переменные значимо коррелируют с частотой использования интернета в разных странах. Но мы видим, что в странах с низким процентом женщин, не использующих интернет (Исландии, Норвегии, Швеции), самооценка дохода либо незначима, либо, как в случае со Швецией, имеет слабую связь на уровне 0,1. В то время как в России и Венгрии эта переменная связана с частотой использования интернета как у мужчин, так и у женщин: чем хуже самооценка дохода, тем реже респондент использует интернет.

Переменная религиозности, которая была измерена по 10-ти балльной шкале и представляет собой самооценку уровня религиозности, связана с переменной частоты использования интернета следующим образом: чем ниже самооценка уровня религиозности, тем вероятнее респонденты обоих полов будут использовать интернет. В целом результаты во всех странах воспроизводят полученные в предыдущих рассмотренных нами исследованиях закономерности: чем больше лет респонденты учились, тем чаще они пользуются интернетом. Чем больше тип населенного пункта, тем чаще используют интернет респонденты обоих полов. Наиболее сильно связана с частотой пользования интернетом переменная возраста: чем моложе респондент, тем чаще будут пользоваться интернетом респонденты обоих полов.

Переменная, отражающая патриархальные/эгалитарные установки, значимо коррелирует с частотой использования интернета во всех странах: если респондент не согласен с тем, что у мужчин должно быть больше прав в ситуации, когда рабочих мест не хватает, он более вероятно будет чаще пользоваться интернетом.

Таблица 3

Значения коэффициента корреляции Кенделла:
связь признаков с частотой использования интернетом, 2016 г.

Переменные	Исландия		Норвегия		Швеция		Россия		Венгрия	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Возраст	-0,370**	-0,343**	-0,331**	-0,389**	-0,365**	-0,421**	-0,547**	-0,606**	-0,460**	-0,503**
Религиозность	-0,209**	-0,211**	-0,154**	-0,153**	-0,127**	-0,124**	0,017	-0,142**	-0,187**	-0,285**
Количество лет обучения	0,335**	0,284**	0,192**	0,275**	0,225**	0,256**	0,238**	0,404**	0,331	0,385**
Тип поселения	-0,142**	-0,066	-0,161**	-0,130**	-0,120**	-0,087**	-0,189**	-0,210**	-0,184**	-0,125**
Мужчины имеют больше прав на работу, чем женщины	0,251**	0,335**	0,163**	0,226**	0,208**	0,304**	-0,112**	0,109**	0,079**	0,151**
Самооценка дохода	-0,044	-0,050	0,055	-0,038	-0,090*	-0,137**	-0,249**	-0,255**	-0,320**	-0,279**

Примечание. *p <0,05, **p <0,01.

Связь социально-демографических характеристик с цифровым неравенством мужчин и женщин в России

Корреляционный анализ зафиксировал связь, но не дал возможность увидеть, как распределены ответы респондентов по группам пользования интернета. Поэтому мы провели анализ таблиц сопряженности

наиболее свежих данных 2018 г. по России, чтобы понять, различаются ли пользователи и не-пользователи интернета по социально-демографическим признакам, и если различаются, то как именно. Для удобства интерпретации мы укрупнили варианты ответа на вопрос о пользовании интернетом «лишь изредка» и «несколько раз в неделю» в вариант «иногда». Таким образом, получилось 3 группы: не пользующиеся интернетом, иногда пользующиеся и пользующиеся постоянно (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов о частоте пользования интернетом по возрастным группам, 2018 г., %

Возраст/ пользование интернетом	До 20		20–29		30–39		40–49		50–59		60 и старше	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Не пользуются	0,0	0,0	1,3	2,5	5,1	6,4	17,8	13,5	53,7	40,9	73,3	82,4
Иногда	1,2	2,0	0,9	3,0	8,2	4,9	11,6	11,2	14,7	13,4	3,0	4,4
Постоянно	98,8	98,0	97,8	94,5	86,7	88,7	70,6	75,3	31,6	45,7	23,7	13,2
Всего	100,0	100,0										

Примечание. Хи-квадрат Пирсона, $p < 0,001$.

Возраст связан с использованием интернета на статистически значимом уровне (проверка тест Хи-квадрат). Из данных таблицы 4 видно, что чем моложе респонденты обоих полов, тем чаще они используют интернет, и наоборот, чем они старше, тем больше тех, кто им не пользуется: 98,8% мужчин и 98% женщин до 20 лет пользуются постоянно, в то время как 73,3% мужчин и 82,4% женщин в возрасте 60 лет и старше не пользуются. Однако и здесь наблюдается неравенство по гендерному признаку: в группах до 20 лет, 20–29 лет, 60 лет и старше процент пользующихся интернетом выше среди мужчин. Интересным и требующим дальнейшего изучения представляется результат: в России в трех возрастных группах процент женщин, пользующихся интернетом, выше, чем у мужчин, это группы 30–39, 40–49 и 50–59 лет.

В таблице 5 приведено распределение ответов о частоте пользования интернета в зависимости от количества лет обучения. Прослеживается следующая тенденция: чем меньше респонденты обоих полов обучались, тем меньше вероятность, что они будут пользоваться интернетом. Так, среди тех, кто учился менее 4 лет, 100% мужчин и женщин не пользуются интернетом, среди тех, кто учился 5–11 лет, также велика доля не пользующихся: 35,1% мужчин, 47,5% женщин. Наибольшие группы тех, кто пользуются интернетом, среди тех, кто учился 12–16 лет (74,7% мужчин и 63,6% женщин), а также в группе 17 и более лет обучения (83,7% мужчин и 80,5% женщин). В группах 5–11 лет, 12–16 лет, 17 лет обучение и более – везде неравенство в пользу мужчин.

Таблица 5

Распределение ответов о частоте пользования интернетом
во взаимосвязи с группами по количеству лет обучения, 2018 г., %

Количество лет обучения/ пользование интернетом	Менее 4		5–11		12–16		17 и более	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Не пользуются	100,0	100,0	35,1	47,5	16,9	28,2	14,3	18,3
Иногда	0,0	0,0	4,5	5,6	8,4	8,1	2,0	1,2
Постоянно	0,0	0,0	60,4	46,9	74,7	63,6	83,7	80,5
Всего	100,0							

Примечание. Хи-квадрат Пирсона, $p < 0,001$.

В таблице 6 представлены группы по пользованию интернетом в зависимости от типа поселения. Чем меньше тип поселения, тем меньше интернет-пользователей. Так, наименьший процент пользователей в деревне: 59,7% мужчин и 52,9% женщин. Опять же наблюдаем тенденцию – во всех типах поселения процент пользователей-женщин меньше, чем процент мужчин.

Таблица 6

Распределение ответов о частоте пользования интернетом
в зависимости от типа поселения, 2018 г., %

Тип поселения/ пользование интернетом	Большой город		Пригород большого города		Малый город		Деревня	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Не пользуются	19,1	29,4	12,2	38,5	23,9	37,7	32,7	39,7
Иногда	7,9	7,0	0,0	7,7	5,4	6,1	7,6	7,4
Постоянно	73,0	63,6	87,8	53,8	70,7	56,2	59,7	52,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Хи-квадрат Пирсона, $p < 0,001$.

Таблица 7 описывает взаимосвязь частоты пользования интернетом и самооценки дохода. Чем меньше самооценка дохода, тем больше процент респондентов обоих полов, не пользующихся интернетом: 38,7% женщин и 48,3% мужчин ответивших, что им трудно жить на существующий доход, не пользуются интернетом. Подобный результат уже был получен в исследовании О. В. Волченко [Волченко, 2016]. Он объясняется тем, что доступ к интернету является платным, также необходимо учитывать, что даже одинаковая цена на интернет в таких городах как, например, Москва и Петропавловск-Камчатский, не означает равной возможности у жителей этих городов оплатить доступ в сеть, так как необходимо учитывать разницу в среднем уровне заработной платы различных регионов.

Таблица 7

Распределение ответов о частоте пользования интернетом в зависимости от самооценки дохода, 2018 г., %

Самооценка дохода/ пользование интернетом	Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений		Этого дохода нам в принципе хватает		Жить на такой доход довольно трудно		Жить на такой доход очень трудно	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Не пользуются	11,6	12,5	19,6	24,4	25,7	39,1	38,7	48,3
Иногда	8,4	4,7	6,2	6,1	6,8	7,4	6,3	5,8
Постоянно	80,0	82,8	74,2	69,5	67,5	53,5	54,9	45,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Хи-квадрат Пирсона, $p < 0,001$.

Взаимосвязь цифрового и гендерного неравенства в России

На рисунке 3 представлен график сопряженности переменной, отражающей эгалитарные/патриархальные представления, и частоты.

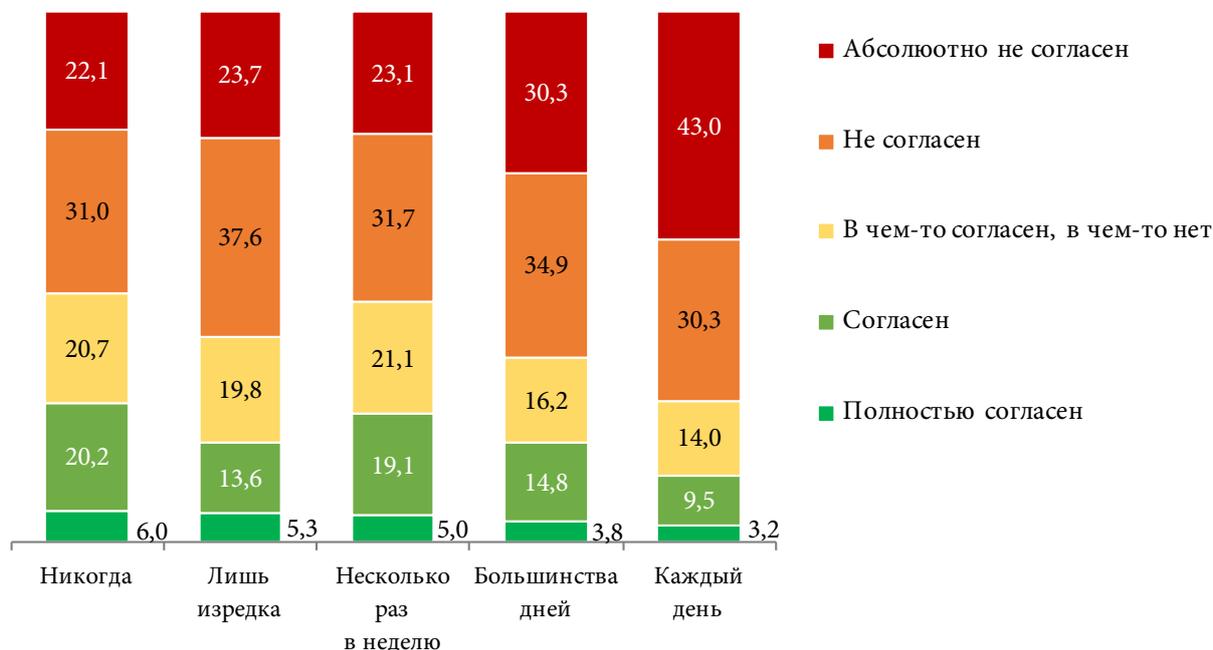

Рис. 3. Взаимосвязь переменных «когда работы не хватает, у мужчин должно быть больше прав, чем у женщин» и частоты пользования интернетом среди мужчин, 2016 г., %

Большинство мужчин, которые абсолютно не согласны с тем, что у них должно быть больше прав, чем у женщин, когда работы не хватает (43%), пользуются интернетом каждый день. А наибольшая доля согласных с этим утверждением (6%) – никогда не пользуются. Таким образом, чем больше мужчины разделяют эгалитарные установки, тем более вероятно, что они будут пользоваться интернетом.

Похожую картину мы наблюдаем и на рисунке с распределением ответов женщин (см. рис. 3). Чем более женщины разделяют эгалитарные установки (несогласие с утверждением о правах на работу), тем больше процент пользующихся интернетом. Соответственно патриархальные установки (согласие с утверждением о правах на работу) негативно связаны с использованием интернета: 5,20% полностью согласных никогда не пользуются и 5,60% лишь изредка пользуются интернетом. Если сопоставить этот результат с данными на рис. 2., то мы видим, что процент несогласных с утверждением о правах на работу женщин больше, чем процент мужчин (57,7% женщин, 43% мужчин). Это означает, что мужчины в большей степени способствуют укоренению существующего гендерного неравенства в интернет-пользовании.

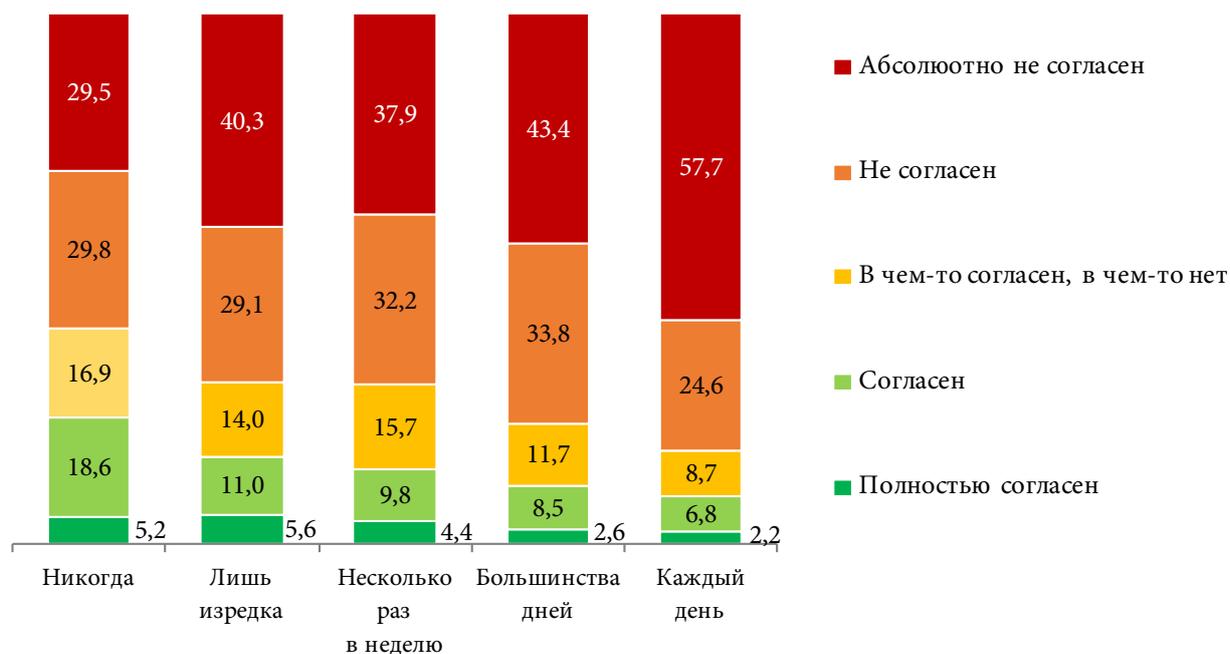

Рис. 4. Взаимосвязь переменных «когда работы не хватает, у мужчин должно быть больше прав, чем у женщин» и частоты пользования интернетом среди женщин, 2016 г., %

Отметим интересный результат – достаточно большой процент женщин, согласных с неравным положением: среди тех, кто никогда не пользуется интернетом таких большинство: 23,8%; среди женщин, которые лишь изредка пользуются – 16,6% поддерживают патриархальные установки. 14,2% согласных в группе тех, кто пользуется интернетом несколько раз в неделю; 11,1% согласных с утверждением о правах на работу в группе тех, кто пользуется интернетом большинство дней и 9% среди тех, кто пользуется каждый день.

Выводы

На данном, предварительном этапе исследования, мы ставили себе задачу изучить существующую литературу по рассматриваемой проблеме и использовать имеющиеся вторичные данные исследования для построения дальнейших гипотез и разработки анкеты количественного опроса по данной проблематике.

Анализ теоретических источников и вторичный анализ эмпирических данных, показали, что:

1. Гендерное неравенство влияет на цифровое неравенство, усугубляя его. Механизм этого влияния кроется в воздействии гендерной социализации, когда с помощью агентов социализации на мальчиков и девочек оказывается влияние. Например, внушаются стереотипы, что девочки хуже могут осваивать математику и информатику, чем мальчики, что в дальнейшем приводит к укоренению патриархальных гендерных стереотипов, отражающихся на порядке внутрисемейных взаимодействий. Стереотип выражается в том, что роль женщины заключается в выполнении всех обязанностей по уходу за домом и детьми самостоятельно, без участия мужчин. Такой патриархальный порядок внутрисемейных взаимодействий укореняет цифровое неравенство между мужчинами и женщинами, так как у последних не остается достаточного времени на освоение и использование цифровых технологий.

2. Небольшое количество исследований по рассмотрению гендерного аспекта цифрового неравенства свидетельствует об актуальности изучения данной проблематики, а также о том, что в исследовании данного феномена эмпирические исследования, анализ их результатов, отстают от процесса развития цифровых технологий. Отсутствуют систематические исследования, включающие изучение различных уровней цифровизации мужчин и женщин, а также факторов, влияющих на цифровое неравенство.

3. Количество интернет-пользователей растет и среди мужчин, и среди женщин, но динамика роста среди женщин меньше, чем среди мужчин. А также процент респондентов, никогда не пользующихся интернетом и в 2016 г., и в 2018 г. выше среди женщин.

4. В странах Скандинавии – Исландии, Норвегии и Швеции – наименьший процент женщин, которые не пользуются интернетом, в 2018 г., в России, Венгрии и Болгарии – наибольший процент таких женщин.

5. В Исландии, Норвегии, Швеции, России, Венгрии в 2016 г. переменная частоты использования интернета коррелирует с переменными: возраста, типа поселения, количества лет обучения, самооценкой уровня религиозности, переменной, отражающей патриархальные/эгалитарные установки. Переменная самооценки дохода коррелирует с частотой пользования интернета в Венгрии и России.

6. Частота пользования интернетом в России связана на статистически значимом уровне с возрастом, количеством лет обучения, типом поселения, самооценкой дохода. Чем старше респонденты, тем меньше они пользуются интернетом. Чем меньше респонденты учились, тем меньше среди них пользователей интернета, причем во всех рассматриваемых

группах неравенство в использовании интернета в пользу мужчин. Чем меньше тип населенного пункта, тем больше там респондентов, никогда не пользующихся интернетом. Самооценка дохода связана с частотой использования интернета следующим образом: чем ниже самооценка дохода, тем меньше респонденты обоих полов пользуются интернетом. Также во всех группах по самооценке дохода процент женщин, не пользующихся интернетом, больше, чем процент таких мужчин.

7. Между переменными, отражающими гендерное неравенство и цифровое неравенство в России, есть связь: чем более респонденты обоих полов разделяют патриархальные установки, тем меньше они пользуются интернетом. Также было выявлено, что существует достаточно большой процент женщин, согласных со своими неравными правами в ситуации дефицита рабочих мест.

Мы понимаем ограничения полученных результатов о связи цифрового и гендерного неравенства. Они связаны с недостаточной представленностью переменных, отражающих цифровое неравенство и патриархальные/эгалитарные установки. Тем не менее полученные результаты являются основанием для продолжения изучения данной темы в дальнейших исследованиях, с использованием большего набора переменных, позволяющих сделать более обоснованные выводы.

Список литературы

Айвазова С. Г. Справедливость в гендерных отношениях: Российский случай // Социальная справедливость в современном мире: сборник статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. Асс. Полит. Науки, ин-т социологии РАН; [редкол.: Никовская Л. И. (отв. Ред.), Шевченко В. Н., Якимец В. Н.]. М.: Ключ-С, 2017. С. 385–390.

Богданов М. Б., Лебедев Д. В. Пользование сетью интернет в России в 2003–2015 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 7 [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / отв. ред. Козырева П. М. Электрон. текст. дан. (объем 1,83 Мб). М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2017. С. 129–140.

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–170.

Гайнанов Д. А., Шарифьянов Т. Ф. Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий // Экономика и цифровые технологии. 2014. № 22(349). С. 2–16.

Говорова Н. В. Рынок Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 30–40. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3.

Груздева М. А. Гендерный фактор интернет-активности и потребления цифровых услуг. // Society and Security Insights. 2021. № 4(1). С. 111–121. DOI: 10.14258/ssi(2021)1-08.

Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия Социология. 2019. № 19(1). С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120.

Золоторева О. А. Цифровое общество 5.0 – новые возможности для женщин или гендерный вызов? // Вестник НГУЭУ. 2020. № 1. С. 32–43. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-1-032-043.

Лихобабин М. Ю. Гендерные детерминанты информационного общества: дисс. Канд. Филоф. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2006. 180 с.

Торопова Н. В. Тенденции цифрового неравенства в цифровой экономике: особенности международной дискриминации / Н. В. Торопова, Е. С. Соколова, Ш. Г. Гусейнов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8А. С. 456–463. DOI: 10.34670/AR.2020.37.94.052.

Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ, 2004. 781 с.

Хоткина З. А. На пути к цифровому гендерному неравенству // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 513.

Abu-Shanab E., Al-Jamal N. Exploring the Gender Digital Divide in Jordan // Gender Technology and Development. 2015. Vol. 19. № 1. P. 91–113.

Alsaleh I., Rashad S. Measuring digital divide in King Abdulaziz University // Problems of Management in the 21st Century. 2012. Vol. 3. P. 8–19.

Bimber B. Measuring the Gender Gap on the Internet // Social Science Quarterly. 2000. Vol. 81. № 3. P. 2–11.

Bujala A. Gender Differences in Internet Usage // Act Univers Lodzen Folia Sociology. 2012. № 43. P. 49–67.

Choudhury N. The Question of Empowerment: Women's Perspective on Their Internet Use // Gender Technology and Development. 2009. Vol.13. P. 341–363.

Cooper J. The Digital Divide: The Special Case of Gender // Journal of Computer Assisted Learning. 2006. Vol. 22. № 5. P. 320–334.

Davaki K. The underlying causes of the digital gender gap and possible solutions for enhanced digital inclusion of women and girls // Europarl [website]. March 2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU\(2018\)604940_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf) (дата обращения: 15.10.202).

Digital 2020: Global Digital Overview // Datareportal [website]. 2020. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения: 15.10.2021).

Ford N., Miller D. Gender Differences in Internet Perceptions and Use // Aslib Proceedings. 1996. Vol. 48. P. 83–92.

Gargallo-Castel A., Esteban-Salvador L., Pürez-Sanz J. Impact of gender in adopting and using ICTs in Spain. Journal of Technology Management & Innovation. 2010. Vol. 5, № 3. P. 120–128.

GSMA Connected Women, 2020. The mobile gender gap report 2020 // gsma.com [website]. 2020. URL: <https://www.gsma.com/mobilefordevelopment/wp-content/uploads/2020/05/GSMA-The-MobileGender-Gap-Report-2020.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

Hafkin N., Huyer S. Women and gender in ICT statistics and indicators for development // Information Technologies and International Development. 2007. Vol. 4, № 2. P. 25–41.

Hawkins E., Hawkins K. Bridging Latin American Digital Divide // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2003. Vol. 80, P. 646–665.

How Women and Men Use the Internet // Pew Research Centre. 2005. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2005/12/28/how-women-and-men-use-the-internet/> (дата обращения: 15.10.2021).

Huang W., Hood D., Yoo S. Gender divide and acceptance of collaborative Web 2.0 applications for learning in higher education. The Internet and Higher Education. 2013. Vol. 16. № 1. P. 57–65.

Joiner R., Gavin J., Duffield J., Bronsan M., Crook C., Durndell A., Maras P., Miller J., Scott A. J., Lovett P. Gender, Internet identification, and internet anxiety: Correlates of Internet use // Cyberpsychology & Behavior. 2005. Vol. 8. P. 371–378.

Kennady T., Wellman B., Klement K. Gendering the Digital Divide // IT& Society. 2003. Vol. 1. № 5. P.149–172.

Kimbrough A. M., Guadagno R. E., Muscanell N., Dill J. Gender differences in mediated communication: women connect more than men // Computers in Human Behaviour. 2013. Vol. 29. P. 896–900.

Kirkpatrick H., Cuban L. Should we be worried. What the research says about gender differences in access, use, attitudes, and achievement with computers // Educational Technology. 1998. Vol 38. № 4. P. 56–61.

Kirman M., Davis M., Kalyanpur M. Young children surfing: Gender differences in computer use. Dimensions of Early Childhood. 2009. Vol. 37. № 2. P. 16–23.

Kularski C., Moller S. The digital divide as a continuation of traditional systems of inequality // Sociology. 2012. Vol. 5151. P. 1–23.

Mariscal J., Mayne G., Aneja U., Sorgner A. Bridging the Gender Digital Gap // Economics E-Journal. 2019. Vol. 13. № 9. P 1–12.

Morahan-Martin J. The Gender Gap in Internet Use: Why Men Use the Internet More Than Women – A Literature Review // CyberPsychology&Behavior. 1988. Vol. 1. № 1. P. 3–10.

Muscanell N. L., Guadagno R. E. Make new friends or keep the old: Gender and personality differences in Social Networking Use // Computers in Human Behavior. 2012. Vol. 28. № 1. P. 107–112.

Neriya-Ben Shahar R., Lev-On A. Gender, Religion and New Media: Attitudes and Behaviors Related to the Internet Among Ultra-Orthodox Women Employed in Computerized Environments // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. P. 875–895.

Norris P. Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge University Press. 2001. 303 p.

Odell P. M., Korgen K. O., Schumacher P., Delucchi M. Internet Use Among Female and Male College Students // Cyberpsychology & Behavior. 2000. Vol. 3. № 5. P. 855–862.

Rosen E. I. Bitter choices: Blue-collar women in and out of work. Chicago, IL: University of Chicago Press. 1987. 210 p.

Seybert H. Gender Differences in the use of computers and the Internet // Population and Social Conditions. 2007. Vol. 119. P. 1–8.

The Global Gender Gap Report 2018. // World Economic Forum. 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge; Medford: Polity Press. 2020. 280 p.

Weiser E. B. Gender Differences in Internet Use Patterns and Internet Application Preferences: A Two-Sample Comparison // Cyberpsychology & Behavior. 2004. Vol 3. № 2. P. 167–178.

West C., Zimmerman D. Doing Gender // Gender and Society. 1987. Vol. 1. № 2. P. 125–152.

What we know about the gender digital divide for girls: a literature review // Unicef. 2021. URL: <https://www.unicef.org/eap/media/8311/file/What%20we%20know%20about%20the%20gender%20digital%20divide%20for%20girls:%20A%20literature%20review.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

Why Europe's girls aren't studying STEM // News Microsoft [website]. – 2017. URL: https://news.microsoft.com/uploads/2017/03/ms_stem_whitepaper.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

Women empowerment through ICT // stats.unctad [website] – 2016. URL: https://stats.unctad.org/Dgff2016/people/goal5/target_5_b.html#:~:text=Enhance%20the%20use%20of%20enabling,promote%20the%20empowerment%20of%20women.&text=In%20view%20of%20the%20cultural,ownership%20can%20advance%20gender%20equality. (дата обращения: 15.11.2021).

А. С. Смирнова¹

Сетевые факторы профессиональной дифференциации²

DOI: 10.19181/INAB.2021.4.4

Смирнова Анастасия Сергеевна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nastyanestea812@gmail.com

Для цитирования: Смирнова А. С. Сетевые факторы профессиональной дифференциации // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифрового неравенства. С. 52–73. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.4

Аннотация. Развитие и распространение современных технологий трансформирует рынок труда. Все больше рабочих процессов выполняются онлайн, появляются дистанционные формы занятости. Рабочие места оснащаются современным оборудованием, в связи с чем меняются и необходимые профессиональные компетенции, которые теперь включают в себя и цифровые навыки. При этом часть занятого населения получает новые преимущества (возможность гибкого графика, работы из дома, высокий уровень цифровых компетенций является конкурентным преимуществом), в то время как другая часть наблюдает негативные процессы цифровизации, такие как прекаризация занятости, автоматизация рабочих мест, сокращение заработных плат и др. Такое разделение групп занятых определяет цифровое неравенство, то есть неравные возможности различных групп населения, вызванные использованием современными технологиями. В данной статье на базе данных 29-ой волны RLMS проводится сравнение групп занятого населения, пользующихся и не пользующихся интернетом в рабочих целях. Составлен профессиональный портрет групп пользователей и не-пользователей, оценены социальные преимущества, получаемые одной группой над другой.

Ключевые слова: цифровизация занятости, цифровое неравенство, цифровизация, цифровая экономика, профессиональная дифференциация.

Введение

Современные технологии охватывают все больше сфер жизни общества. Отмечается тенденция к цифровизации занятости, ориентация на цифровую экономику. Во многих профессиях навыки владения информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) становятся обязательными. Появляются и развиваются нестандартные формы и виды занятости, такие как удаленная работа (телеработа), предполагающая постоянное пользование интернетом в рабочих целях. В связи с пандемией число

¹ Smirnova A. Junior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации», поддержанного РНФ, грант № 21-18-00489.

занятых, выполняющих работу из дома, увеличилось в разы. Возникают новые профессии, связанные с it-сферой, новые профессиональные занятия, например, блоггерство.

Пользование ИКТ связано с понятием цифрового неравенства, описывающего различия возможностей различных групп населения в пользовании ИКТ. Выделяют цифровое неравенство трех уровней: доступа, пользования и результатов использования. Последний уровень предполагает, что пользователи ИКТ получают какие-либо социальные привилегии по сравнению с теми, кто не пользуется современными технологиями. В связи с этим мы задаемся вопросом: действительно ли пользование цифровыми технологиями приводит к возникновению социальных преимуществ у занятого населения? Или ключевую роль играют несетевые факторы, такие как престижность профессии, тип населенного пункта, стаж работы и др.?

Цифровизация занятости

В связи с распространением ИКТ, все больше рабочих процессов происходят онлайн. Развитие цифровой экономики приводит к цифровизации занятости. Отмечается, что цифровизация меняет характер производства, формы и организацию труда, спроса и предложения на трудовые ресурсы, требования к цифровым компетенциям.

Современные технологии способствуют развитию нестандартных форм занятости, среди которых можно отметить фриланс. Фриланс – это нестандартная форма занятости, при которой «независимый профессионал высокой квалификации, который не состоит в штате организаций и не включен в традиционные трудовые отношения, самостоятельно реализует свои услуги на рынке различным клиентам, не являясь субподрядчиком единственного заказчика» [Стребков, Шевчук, 2009: 9]. Число фрилансеров увеличилось в 2020 г. во время пандемии [Shevchuk, Strebkov, 2021a]. Возможности ИКТ позволяют фрилансерам брать несколько заказов, работать с заказчиками из других регионов или других стран.

Одним из преимуществ своей работы фрилансеры указывают хорошую оплату труда [Shevchuk, Strebkov, 2021b]. Исследование, проведенное в Ульяновске в 2018 г., показало, что фрилансеры зарабатывают больше, чем люди с постоянной занятостью, а среди причин выбора данной формы занятости респонденты отмечали возможность больше заработать, нежелание работать в штате [Кадничанская, Галкина, 2019]. В другом исследовании, проведенном в 2014 г. в рамках проекта «Перепись фрилансеров», было показано, что электронные фрилансеры имеют более высокий уровень дохода не только в сравнении со средним доходом по стране, но и в сравнении с информационными работниками, занятыми по найму: около 25% занятого населения имело зарплату в 36 тыс. рублей и более, тогда как среди информационных работников, занятых по найму, таких было всего 17,8%, а среди электронных фрилансеров – около 45% (причем более 15% получали 90 тыс. и более) [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015].

Кроме того, многие фрилансеры совмещают фриланс с другими занятиями: с учебой, декретным отпуском, постоянной занятостью в другой организации [Кадничанская, Галкина, 2019]. Это указывает на еще одну тенденцию и возможность, связанную с современными технологиями, – возможность гибридной занятости.

В целом выросло количество людей, работающих удаленно. На Восточном экономическом форуме 2 сентября 2021 г. глава Минтруда А. Котляков отметил, что удаленно в России работает около 3 млн человек, что составляет около 4–5% занятого населения (по данным Росстата, численность занятого населения за 2020 г. составила в среднем 70,6 млн. человек [Динамика численности..., 2021]). До пандемии число удаленных работников было в 100 раз меньше и составляло порядка 30 тыс. человек, а во время пандемии показатель достигал уровня 11% работоспособного населения [В России удаленно..., 2021].

При этом, по данным социологического исследования ИНСАП РАНХиГС, проведенного в апреле 2020 г. по репрезентативной выборке населения России в возрасте 18–65 лет, полностью или частично на удаленный режим работы перешло 26% наемных работников и 13,5% индивидуальных предпринимателей, фрилансеров и самозанятых [Логинов, 2020]. В исследовании указывается, что до пандемии число удаленных работников составляло 3,6% всех занятых. Такая форма занятости была свойственна в основном группе индивидуальных предпринимателей, фрилансеров и самозанятых (16,2%).

Если раньше телеработа была свойственна скорее нестандартным формам занятости, то в 2020 г. в связи с пандемией удаленная работа стала вынужденной мерой, на которую перешли работники с постоянной занятостью. Согласно данным ВЦИОМ, в 2020 г. более половины работодателей полностью перевели своих сотрудников на удаленную работу, а около 15% – частично [Наниматель и работник..., 2020]. Не все работники могут быть переведены на удаленную работу, какие-то профессии требуют очного присутствия. Однако можно отметить тренд на увеличение числа мест с дистанционной занятостью, в которой чаще заинтересованы и работодатели, сокращающие издержки на аренду помещения, оборудование и т. д., так и сами работники, у которых появилось больше автономности в работе. При этом не все работники готовы полностью перейти на удаленную занятость, предпочитая гибридную модель.

Цифровизация влияет на спрос и предложение рабочей силы, приводя к двум процессам. Первый связан с автоматизацией рабочих мест. Такой тренд приведет к снижению числа рабочих мест для занятых физическим и рутинным умственным трудом и, наоборот, к повышению спроса на высококвалифицированных специалистов. При этом в первую очередь растет потребность в специалистах, связанных с сферой современных технологий и IT-индустрии, но также и в занятых в производственном секторе – науке, образовании, здравоохранении, финансах и др. [Дигилина, Тесленко, 2019; Кашепов, 2018]. Отмечается, что сокращение числа рабочих мест в производственном секторе (промышленность, сельское хозяйство, строительство) будет происходить только за счет некоторых профессий, предполагающих использование устаревших технологий [Пондо, 2020]. Б. Балсмайер и М. Вёртер на базе результатов исследования в Швейцарии отмечают, что автоматизации подвержены задачи работников с низкой и средней квалификацией, в то время как новые задачи, возникающие как следствие внедрения современных технологий, требуют выполнения высококвалифицированной рабочей силой, для которой создаются новые рабочие места [Balsmeier, Woerter, 2019].

Второй процесс, отмечающийся в связи с изменением спроса и предложения на рабочую силу, касается возрастания неравенства доходов между группами работников с высокой и низкой квалификацией [Кройтор, 2019; Капелюшников, 2017; Работа будущего..., 2015; Bessen, 2019].

В цифровой экономике расширяются требования, предъявляемые к компетенциям работников. Помимо профессиональных навыков, работники должны обладать высоким уровнем цифровой грамотности. Существуют различные международные индексы оценки развития ИКТ в стране, среди которых выделяют Индекс развития ИКТ (ICT Development Index, IDI); Индекс готовности к сетевому обществу (Network Readiness Index, NRI); Индекс развития электронного правительства (E-government Development Index, EGDI); Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index, KEI) и др. [Головенчик, 2018]. Россия занимает в таких рейтингах средние места: по IDI 45 место из 176 в 2017 г. [ICT Development Index, 2017]; по NRI – 48 место из 134 в 2020 г. [The network readiness index, 2020]; по EGDI – 36 место из 193 в 2020 г. [Исследование ООН..., 2020]; по KEI – 45 место из 138 в 2020 г. [Global Knowledge Index, 2020].

В России на протяжении трех лет проводится акция «Цифровой диктант», призванная оценить цифровую грамотность через объективные показатели – решение задач [Цифровой диктант.рф, 2021]. Общее значение складывается из трех групп показателей, оценивающих цифровое потребление, цифровую безопасность и цифровые компетенции. В 2021 г. в Цифровом диктанте приняли участие около 920 тыс. человек, что в 2,8 раза больше, чем в 2020 г.. Основной прирост участников произошел за счет младших возрастных групп. При этом в группе 60+ лет наблюдается наименьшее число участников и наименьший прирост. Общий показатель цифровой грамотности в 2021 г. составил 6,9 баллов из 10, что является минимальным показателем за все три года проведения диктанта. Причем в 2020 г. наблюдался рост по сравнению с 2019-м. Снижение общего уровня цифровой грамотности произошло за счет снижения уровня цифровых компетенций и цифровой безопасности, а уровень цифрового потребления, наоборот, вырос. Авторы связывают данную тенденцию с пандемией, в связи с которой многие задачи перешли в онлайн-формат.

Весной 2020 г. по репрезентативной выборке населения было проведено исследование по самооценке россиян своих цифровых навыков [Давыдов, 2021]. Всего рассматривалось 17 навыков, которые можно разделить на 5 групп: компетенции в области использования ИКТ-инструментов; офисных приложений; работы с изображениями и видео; административно-технические компетенции; финансовые компетенции. Респондентам предлагалось оценить навыки по 5-балльной шкале. Кроме общего уровня владения цифровыми компетенциями было проведено сравнение средних оценок в группе работающих и не работающих россиян. Исследование показало, что работающие респонденты в среднем выше оценивают уровень своих цифровых компетенций, чем не работающие.

Еще в одном исследовании, проведенном И. Л. Сизовой и Т. М. Хусяиновым на базе 24-ой волны RLMS за 2015 г., сравнивается элементарная цифровая грамотность у самозанятых и наемных работников. Элементарная цифровая грамотность рассматривается авторами

через цели пользования интернетом и устройства, которыми респонденты пользовались для выхода в сеть. Было установлено, что у самозанятых и наемных работников нет различий по уровню базовых цифровых компетенций [Сизова, Хусяинов, 2017].

В 2018 г. было проведено исследование по самооценке занятым населением своих цифровых навыков в сравнении с другими навыками, такими как владение иностранным языком, профессиональные навыки, навыки делового общения [Омельченко, Забелина, Мирзабалаева, 2019]. Сравнение происходило по 5-балльной шкале в различных группах: по сферам занятости, занимаемой должности, уровню образования. Отмечается, что выше всего были оценены профессиональные навыки респондентов. Во всех профессиональных группах цифровые навыки были оценены ниже, чем профессиональные навыки и навыки делового общения. При этом можно проследить тенденцию: чем ниже уровень квалификационной группы респондентов, тем ниже были их средние оценки своих цифровых навыков. Авторы сравнивают полученные результаты с более ранними исследованиями. В частности, они приводят в пример исследование, проведенное в 2014 г. среди трудоспособного населения Вологды и Череповца [Устинова, Чекмарева, 2016], в котором респондентам предлагалось оценить свои профессиональные компетенции (в которые входит в том числе компьютерная грамотность) и отметить, какие навыки, по мнению респондентов, станут наиболее востребованными в ближайшие годы. Отмечается, что в среднем навыки компьютерной грамотности были оценены респондентами ниже всего, при этом почти половина опрошенных (44%) указали на востребованность навыков компьютерной грамотности в будущем.

В 2019 г. по сравнению с 2014-м разрыв между профессиональными компетенциями занятых и их уровнем цифровой грамотности остается большим. В связи с чем И. Б. Омельченко, О. В. Забелина, Ф. И. Мирзабалаева делают вывод, что цифровые навыки пока не рассматриваются занятым населением в качестве необходимых профессиональных компетенций [Омельченко, Забелина, Мирзабалаева, 2019].

При этом при приеме на работу цифровые навыки могут стать конкурентным преимуществом, а зачастую в резюме указывается уровень и навык владения теми или иными компьютерными программами. Исследований требований работодателей к цифровым навыкам работников не так много [Попов, 2016; Головчин, 2019], и большинство из них рассматривает только офисных сотрудников. Одно из таких исследований было проведено в мае-июне 2021 г. [Навыки глазами сотрудников..., 2021]. Были опрошены сотрудники (4013 человек) и работодатели (373 человека) по поводу востребованности различных навыков: hard (профессиональные), soft (коммуникативные) и digital (цифровые) навыки. И сотрудники оценили важность цифровых навыков ниже, чем работодатели. Руководители отметили нехватку компетенций сотрудников, причем наибольшее отставание наблюдается как раз по цифровым навыкам. Кроме того, большой разрыв между необходимыми и имеющимися навыками наблюдается в IT-индустрии, где цифровые навыки являются частью профессиональных.

Цифровые навыки россиян находятся на недостаточно высоком уровне, при этом ценятся работодателями. Таким образом, владение ресурсом, связанным с использованием современных технологий, становится преимуществом на рынке труда.

Кроме сокращения числа рабочих мест и увеличения разрыва в оплате труда высоко- и низкоквалифицированных кадров, некоторые авторы выделяют еще один негативный аспект цифровизации. Они отмечают, что работа, связанная с использованием ИКТ и, в частности, интернета, чревата прекаризацией [Илларионова, 2021]. Такая работа социально не защищена, недостаточно оплачивается и чаще используется в качестве второй работы, нежели основной [Мамлеева и др., 2018].

Итак, можно отметить тенденцию к цифровизации занятости, включающую в себя трансформацию уже имеющихся и возникновение новых форм и типов занятости, спроса и предложения на рынке труда, требования к владению цифровыми компетенциями. Тем не менее не во всех профессиях необходимо пользование интернетом, а цифровые компетенции россияне оценивают ниже, чем профессиональные (исключая специалистов IT-индустрии, хотя и в ней наблюдается несоответствие необходимых цифровых навыков действительным). Различие в пользовании ИКТ, разный уровень цифровых навыков участников рынка труда приводит к различию возможностей, связанных с профессиональной реализацией, оплатой труда и др. Такое различие связано с понятием цифрового неравенства.

Цифровое неравенство

Выделяют 3 уровня цифрового неравенства. Первый уровень предполагает неравенство физического доступа. Данное направление исследований активно развивалось в 90-е гг. XX в., а исследователи того периода приходили к выводу, что меньший уровень доступа к интернету имеют такие группы, как пенсионеры, люди с низким уровнем образования, люди, не включенные в рынок труда, проживающие в сельской местности, а также этнические меньшинства и женщины [Katz, Aspden, 1997; LaRose et. al., 2007; Hoffman, Novak, 1998; Losh, 2004; Hindman, 2000].

Исследований интернет-аудитории в России проводится довольно много. В основном они сосредоточены вокруг процента проникновения интернета по стране, различий по социально-демографическим показателям. Процент проникновения интернета в России в 2021 г., по данным Mediascope, составил около 78% [Общая аудитория интернета, 2021], последние несколько лет основной прирост происходит за счет старших возрастных групп [Mediascope подсчитала..., 2019]. Если в 90-е гг. XX в. пенсионеры были наименее включенной в процесс интернетизации группой, то сегодня в связи с основным приростом аудитории за счет данной возрастной группы, по данным Mediascope, пенсионеры входят в тройку самых частых пользователей сетью (14,6%). На лидирующих местах находятся группы рабочих (около 24%) и специалистов (15%) [Общая аудитория интернета, 2021]. Во всех группах основным устройством для выхода в интернет являются мобильные устройства [Проникновение интернета в России..., 2018].

Е. В. Бродовская и О. Е. Шумилова проанализировали различия пользователей и не-пользователей интернета, придя к выводу, что основными факторами являются возраст, уровень образования и дохода, тип поселения, а также структура семьи. Подчеркивается, что гендерных

различий зафиксировано не было [Бродовская, Шумилова, 2013], что подтверждается и другими, более поздними исследованиями [Минаева, 2015; Шамсутдинова, 2019]. Эти данные сравнимы с результатами, полученными в других странах.

Исследователи отмечают, что с все большим распространением интернета цифровое неравенство первого уровня сокращается, его исследования отходят на второй план, уступая место исследованиям цифрового неравенства второго уровня, предполагающего изучение различий цифровых навыков и использованием интернетом [Hargittai, 2002]. Тем не менее А. ван Дерсен и Дж. ван Дайк отмечают, что неравенство первого уровня не уходит полностью, а трансформируется из неравенства физического доступа в неравенство материального доступа [van Deursen, van Dijk, 2019].

Неравенство второго уровня предполагает неравенство навыков и пользования [Hargittai, 2002]. Ван Дайк отмечает, что исследования пользования рассматривают частоту пользования интернетом и разнообразие рассматриваемых интернет-практик [van Dijk, 2013]. Большинство исследований, посвященных цифровым навыкам и типам различий интернет-активностей, рассматривает в качестве предикторов социально-демографические и социально-экономические характеристики [DiMaggio, Hargittai, 2001; Волченко, 2016]. В их числе обычно отмечают различия пользователей по возрасту, полу, уровню дохода, уровню образования, статусу занятости, расе, типу населенного пункта [Ching, Basham, Jang, 2005; Scheerder, van Deursen, van Dijk, 2017; Martin, Robinson, 2007; Hilbert, 2011]. Часто в качестве предиктора также используется показатель опыта пользования интернетом [Gil-Garcia, Helbig, Ferro, 2006] (число лет, которое респондент пользуется ИКТ), предполагая, что чем дольше респонденты пользуются интернетом, тем с большей вероятностью они используют его для собственных преимуществ.

Для чего россияне пользуются интернетом? Исследование, проведенное Росстатом, сравнивает данные пользования интернетом среди россиян в 2015 и 2019 гг. [Рост мобильного интернета..., 2020]. В 2015 г. россияне чаще всего пользовались интернетом для пользования социальными сетями (74,6%), просмотра фильмов (49,6%) и проверки электронной почты (41,7%), а в 2019 г. – для пользования социальными сетями (76,7%), звонков (71,0%), общения в чатах (60,1%). В 2020 г. ФОМом было проведено исследование «Интернет и онлайн-сервисы», в котором присутствовал открытый вопрос «Для чего вам нужен интернет?» Самыми популярными оказались ответы о поиске новостей (41%), поиске информации (35%), общении (28%). Цель использования интернета для работы заняла 4 место (25%) [Интернет и онлайн-сервисы, 2020].

Третий уровень цифрового неравенства определяется как неравенство результатов использования интернета различными группами пользователей [van Deursen, Helsper, 2015]: некоторые индивиды и группы получают социальные и культурные преимущества от пользования интернетом и владением определенными цифровыми навыками. М. Рагнедда отмечает, что третий уровень цифрового неравенства напрямую связан с различными типами капиталов, особенно с социальным капиталом [Ragnedda., 2017].

Итак, цифровое неравенство третьего уровня приводит к возникновению социальных преимуществ, в виде зарплаты, получаемого статуса и др., у людей, использующих современные технологии. А. ван Дерсен и Дж. ван Дейк установили, что, хотя более образованные люди проводят в интернете меньше времени, они используют это время с большей «пользой» [Van Deursen, Van Dijk, 2014]: для саморазвития, образования и др. Можно предположить, что именно эта группа более образованных людей, занимающих более высокие социальные позиции, использует интернет в рабочих целях, получая за это большую зарплату. Тем не менее развитие цифровизации занятости приводит к тому, что современные технологии проникают во все профессиональные сферы. Происходит трансформация форм и типов занятости, особенно в связи с пандемией. В связи с этим мы задаемся вопросом: кто входит в группу тех занятых, кто пользуется интернетом для работы? И возникают ли у них какие-либо социальные преимущества перед теми, кто интернетом в рабочих целях не пользуется? Эти преимущества возникают как чистый эффект пользования ИКТ или других факторов?

Методология и методы

Для того, чтобы ответить на данные вопросы мы проанализировали базу 29-ой волны RLMS¹. Из общей выборки была сформирована подвыборка занятых респондентов. Объем подвыборки составил 5438 человек. Данная подвыборка была разделена на 2 группы: в первую группу попали респонденты, пользующиеся интернетом в рабочих целях (далее – пользователи), во вторую – те, кто интернетом в рабочих целях не пользуется (далее – не-пользователи). В процентном отношении первую группу составляют 65,8% подвыборки, вторую – 34,2%. Пользователи и не-пользователи сравнивались между собой по следующим 3 группам критериев:

1. Профессиональные параметры – принадлежность к профессиональной группе (ISCO08), отрасль занятости, наличие второй работы, занятие предпринимательской деятельностью;
2. Квалификационный ресурс – уровень образования, владение иностранным языком, занятия на профессиональных курсах (включая курсы повышения квалификации);
3. Социальные следствия (social outcomes) – число подчиненных, уровень зарплаты, ISEI.

Показатель ISEI или международный социально-экономический индекс социального статуса является количественной характеристикой классовой позиции, рассчитываемый на основе синтеза дохода, профессии, уровня образования [Ganzeboom, De Graaf, Treiman, 1992]. Данный индекс хоть и не является напрямую показателем престижности занимаемой должности, однако тесно коррелирует с ним.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>)

Отрасли занятости были объединены в 6 групп:

1. Промышленность, машиностроение, строительство (легкая, пищевая промышленность; нефтегазовая промышленность; другая отрасль тяжелой промышленности; энергетическая промышленность; химическая промышленность; гражданское машиностроение; военно-промышленный комплекс; строительство; деревообрабатывающая промышленность; транспорт, связь).

2. Лесное хозяйство (сельское хозяйство; экология, защита окружающей среды).

3. Госорганы (органы управления; армия, МВД, органы безопасности).

4. Бытовые услуги (торговля, бытовое обслуживание; услуги населению; жилищно-коммунальное хозяйство; организация общественного питания; ИТ, информационные технологии; операции с недвижимостью).

5. Непроизводственный сектор (финансы; юриспруденция; СМИ, издательство, печать, телекоммуникации; реклама, маркетинг; наука, культура).

6. Социальная сфера (образование; здравоохранение; спорт, туризм, развлечения; социальное обслуживание).

Сравнение двух выделенных групп происходило путем анализа таблиц сопряженности и расчетов коэффициентов V Крамера для номинальных шкал, Φ_i для дихотомических шкал. Для сравнения вопросов с метрической шкалой использовался T -test.

Для определения факторов, влияющих на уровень заработной платы, было построено несколько линейных регрессионных моделей. В качестве зависимой переменной выступал совокупный доход индивида, в качестве предикторов – пол, возраст, численность населенного пункта, в котором проживает респондент, наличие высшего образования, наличие среднего специального образования, владение иностранным языком, обучение на профессиональных (повышения квалификации) курсах за последние 12 месяцев, прохождение профессиональных курсов вообще, пользование интернетом в рабочих целях, а также ISEI.

Результаты исследования

Рассмотрим полученные результаты. По типу населенного пункта ожидаемо зафиксированы значимые различия между группами (табл. 1). Значение коэффициента V Крамера – 0,108 (уровень значимости $p < 0,001$), что говорит об умеренной связи между переменными. Пользователи чаще проживают в областном центре. При этом в процентном отношении не-пользователи чаще живут в селе или в городе. По ПГТ различия незначительные.

Далее рассмотрим три группы критериев: квалификационный ресурс, профессиональные параметры и социальные следствия.

По уровню образования отмечены значимые различия между группами, причем связь довольно тесная: значение коэффициента V Крамера – 0,368 (уровень значимости $p < 0,001$, табл. 2). Почти половина пользователей (48%) имеют высшее образование, а не-пользователи чаще имеют законченное или незаконченное среднее. При этом по среднему специальному образованию различия между группами минимальны.

Таблица 1

Распределение по типу населенного пункта, %

Тип населенного пункта	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Областной центр	50,0	38,9	46,2
Город	26,1	31,2	27,9
ПГТ	6,4	6,7	6,5
Село	17,5	23,2	19,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 2

Распределение по уровню образования, %

Уровень образования	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
0–6 классов	0,0	0,1	0,0
Незаконченное среднее	0,9	2,3	1,4
Незаконченное среднее + что-то еще	4,1	10,7	6,4
Законченное среднее	16,9	41,7	25,4
Законченное среднее специальное	29,1	28,8	29,0
Законченное высшее и выше	48,9	16,4	37,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Так как пользователи чаще имеют более высокий уровень образования, их квалификационный ресурс выше, чем у группы не-пользователей. В связи с этим логично предположить наличие различий между двумя группами по владению иностранным языком и обучению на профессиональных курсах за последние 12 месяцев (в том числе на курсах повышения квалификации). Иностранному языку владеют более 30% пользователей и 10% не-пользователей (табл. 3), значение коэффициента Phi 0,226 при уровне значимости $p < 0,001$.

Таблица 3

Распределение по владению иностранным языком, %

Владение иностранным языком	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Да	31,2	10,8	24,2
Нет	68,8	89,2	75,8
Всего	100,0	100,0	100,0

По обучению на профессиональных курсах разница хоть и статистически значима, но, тем не менее, небольшая: их проходили 5,7% пользователей и 1,5% не пользователей (табл. 4, значение коэффициента Phi равно 0,099 при уровне значимости $p < 0,001$). Большая часть респондентов и в одной, и в другой группе все же не проходили никаких курсов за последние 12 месяцев.

Таблица 4

Распределение по обучению на профессиональных курсах за последние 12 месяцев, %

Обучение на профессиональных курсах за последние 12 месяцев	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Да	5,7	1,5	3,9
Нет	94,3	98,5	96,1
Всего	100,0	100,0	100,0

Более высокий уровень квалификационного ресурса может быть связан с профессиональными критериями. Наибольшие различия между двумя сравниваемыми группами наблюдаются по показателю профессиональной группы (см. табл. 5). Значение коэффициента V Крамера равно 0,480 (при уровне значимости $p < 0,001$), что говорит о сильной связи. Более 60% всех пользователей составляют первые три квалификационные группы: это законодатели, крупные чиновники, руководители (8,2%); специалисты высшего (27,4%) и среднего звена (25,2%). Более 50% не-пользователей относятся к рабочим разного уровня квалификации: квалифицированные рабочие (39,8%) и неквалифицированные рабочие (13,5%). Еще около четверти (24,4%) не-пользователей составляет группа работников сферы торговли и услуг, которые также являются работниками рутинного труда.

Между этими группами можно проследить четкое разделение на офисных работников, белых воротничков (пользователи), и рабочих (не-пользователи).

При этом большинство пользователей и не-пользователей заняты в одних и тех же отраслях (см. табл. 6), хотя видны и значимые различия (значение коэффициента V Крамера равно 0,220 при уровне значимости $p < 0,001$). Около трети пользователей (28%) и почти половина не-пользователей (44,6%) работают в первичном секторе экономики – в промышленности, машиностроении, строительстве. То, что большинство не-пользователей составляют группу рабочих, во многом объясняет их занятость в данном секторе. Также около трети пользователей (30,4%) и не-пользователей (27,2%) заняты в сфере бытовых услуг, при этом примечательно, что данная сфера имеет большой вес в обеих группах. Специфика профессиональной группы пользователей проявляется в различии в таких отраслях, как непроемственный сектор (почти 10% пользователей и лишь около 3% не-пользователей) и социальная сфера (21% пользователей и 13,8% не-пользователей).

Таблица 5

Распределение по профессиональной группе, %

Профессиональная группа	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Военнослужащие	0,8	0,4	0,6
Законодатели; крупные чиновники; руководители высш. и сред. звена	8,2	1,2	5,8
Специалисты высшего уровня квалификации	27,4	4,1	19,4
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	25,2	12,4	20,8
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	6,6	4,1	5,7
Работники сферы торговли и услуг	14,3	24,4	17,8
Квалифицированные работники сельского, лесного хоз-ва и рыбоводства	0,2	0,0	0,2
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	8,7	18,4	12,0
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	6,9	21,4	11,9
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	1,7	13,5	5,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 6

Распределение по отрасли занятости, %

Отрасль занятости	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Промышленность, машиностроение, строительство	28,3	44,6	33,9
Лесное хозяйство	1,8	5,1	2,9
Госорганы	9,2	6,6	8,3
Бытовые услуги	30,4	27,2	29,3
Непроизводственный сектор	9,1	2,7	6,9
Социальная сфера	21,3	13,8	18,7
Всего	100,0	100,0	100,0

Пользователи чаще оформлены на работе официально, что может свидетельствовать о меньшем уровне прекаризации, хотя разница между группами очень маленькая, и все равно большинство и пользователей, и не-пользователей отмечают, что трудоустроены официально (см. табл. 7: значение коэффициента Phi равно 0,088 при уровне значимости $p < 0,001$).

Таблица 7

Распределение по факту официального трудоустройства, %

Официально трудоустроены	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Да	95,1	91,0	93,7
Нет	4,9	9,0	6,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Маленькое различие отмечено между пользователями и не-пользователями по наличию второй работы (см. табл. 8). Хотя полученное различие и является статистически значимым (коэффициент Phi равен 0,44 при уровне значимости $p < 0,01$), фактическая разница в 1,5% не является существенной.

Таблица 8

Распределение по наличию второй работы, %

Наличие второй работы	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Да	3,4	1,8	2,8
Нет	96,6	98,2	97,2
Всего	100,0	100,0	100,0

Пользователи чаще, чем не-пользователи, отмечали, что занимаются предпринимательской деятельностью и что являются владельцами или совладельцами предприятия, на котором работают (см. табл. 9 и 10). По обоим из данных показателей значение коэффициента Phi равно 0,104 (при уровне значимости $p < 0,001$). Тем не менее по показателю владения или совладения предприятием связь между переменными маленькая, а большинство (более 95%) и пользователей, и не-пользователей отметили, что владельцами не являются. Предпринимателей среди пользователей все же больше – около 10%, тогда как среди не-пользователей таких всего около 3%. Учитывая, что предприниматели в общем составляют не очень большую группу, можно утверждать, что существуют различия между пользователями и не-пользователями по этому признаку.

Таблица 9

Распределение по занятию предпринимательской деятельностью, %

Предпринимательская деятельность	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Да	8,8	3,3	6,8
Нет	91,2	96,7	93,2
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 10

Является ли респондент владельцем или совладельцем предприятия, %

Респондент владелец или совладелец предприятия	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Да	4,0	0,4	2,8
Нет	96,0	99,6	97,2
Всего	100,0	100,0	100,0

Различия по профессиональным критериям и квалификационному ресурсу между пользователями и не-пользователями становятся основанием для предположения о том, что существуют и различия по критериям социальных следствий. В частности, разделение на офисных сотрудников и рабочих по профессиональной группе предполагает различие групп по шкале ISEI. И действительно, среднее значение ISEI у пользователей в среднем на 20 пунктов выше, чем у не-пользователей (см. табл. 11 и 12). Это дает основание предполагать, что пользователи занимают и более престижные должности.

Таблица 11

Средние значения по шкале ISEI

Группы использования интернета	Число	Среднее	Ст. отклонение	Ст. ошибка среднего
Пользуются по работе	3218	52,52	19,489	0,344
Не пользуются по работе	1690	32,32	15,037	0,366

Таблица 12

Среднее значение ISEI в группах пользователей и не-пользователей: результаты T-test

F	Уровень значимости	t	df	Уровень значимости	Средняя разница	Ст. ошибка среднего	Нижний	Верхний
362,245	0,000	40,250	4248,780	0,000	20,196	0,502	19,210	21,180

Пользователи чаще являются руководителями (значение коэффициента V Крамера 0,216 при уровне значимости $p < 0,001$, см. табл. 13). Почти у четверти пользователей есть подчиненные, при этом почти у 10% имеется 10 и более подчиненных, то есть они являются средними и крупными руководителями. Тогда как у более чем 90% не-пользователей подчиненных нет, а средними и крупными руководителями являются лишь около 1,5% не-пользователей.

Наблюдаются и различия по совокупному уровню доходов между группами. Пользователи в среднем имеют доход в 38107,62 рублей, а не-пользователи – 29286,68 рублей (см. табл. 14 и 15). То есть группа пользователей имеет социальные преимущества над не-пользователями по уровню дохода, занимаемой позиции (и, возможно, по престижу), а также по руководящим должностям.

Таблица 13

Распределение по числу подчиненных, %

Число подчиненных	Пользователи	Не-пользователи	По массиву в целом
Без подчиненных	75,4	92,8	81,4
До 10 подчиненных	15,5	5,7	12,2
10 и более подчиненных	9,0	1,4	6,4
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 14

Средние значения по совокупному доходу в двух группах

Интернет	N	Среднее	Ст. отклонение	Ст. ошибка среднего
Пользователи	3103	38107,62230	26517,21774	476,03583
Не-пользователи	1661	29286,67630	26067,59655	639,67239

Таблица 15

Средний совокупный доход в группах пользователей и не-пользователей:
результаты T-test

F	Уровень значимости	t	df	Уровень значимости	Средняя разница	Ст. ошибка среднего	Нижний	Верхний
45,560	0,000	11,063	3442,167	0,000	8820,950	797,365	7257,590	10384,300

Итак, пользователи чаще проживают в городах, что уже может служить основанием для различий в социальных преимуществах между группами. Кроме того, они обладают более высоким уровнем квалификационного ресурса (более высокий уровень образования, чаще владеют иностранным языком и чаще повышают квалификацию), имеют более высокие профессиональные критерии (более 60% являются офисными работниками высокой и средней квалификации, чаще занимаются предпринимательством), а также имеют социальные преимущества в виде более высокой оплаты труда, большего числа подчиненных. Однако является ли такое привилегированное положение следствием действия фактора пользования интернетом для работы? Или роль играют более высокий уровень образования, возраст и другие несетевые факторы?

Для ответа на данный вопрос была построена регрессионная модель. В качестве зависимой переменной выступает уровень совокупного дохода индивида. Полученные результаты представлены в табл. 16. Значение коэффициента R^2 составило 0,150.

Практически все предикторы модели являются статистически значимыми. Ожидаемо на уровень дохода влияют переменные численности населенного пункта (чем крупнее населенный пункт, тем выше уровень дохода), пол (мужчины имеют более высокий уровень дохода, чем женщины), возраст (чем старше работники, тем уровень дохода выше), наличие высшего образования. Примечательно, что наличие среднего

специального образования не является значимым предиктором модели, при этом и среди группы пользователей, и среди не-пользователей различия по среднему специальному образованию также были незначительны. Кроме того, значимыми предикторами являются другие показатели квалификационного ресурса (прохождение профессиональных курсов вообще и за последние 12 месяцев, владение иностранным языком), ISEI и число подчиненных. Пользование интернетом в рабочих целях также повышает совокупный доход индивида, соответственно, мы можем зафиксировать чистый эффект от использования ИКТ.

Таблица 16

Результаты общей регрессионной модели

Предикторы	Не стандартизированные коэффициенты В	Ст. ошибка	Стандартизированные коэффициенты Бета	t	Уровень значимости	Tolerance	VIF
Константа	4228,384	1869,232		2,262	0,024		
Численность населения	0,002	0,000	0,211	14,520	0,000	0,943	1,060
Количество полных лет	254,593	33,694	0,110	7,556	0,000	0,943	1,061
Пол: мужской	11062,530	804,461	0,203	13,751	0,000	0,914	1,094
Образование: высшее	4771,311	1184,657	0,086	4,028	0,000	0,437	2,287
Образование: среднее специальное	1510,333	1058,925	0,026	1,426	0,154	0,608	1,644
Иностранный язык	2882,674	988,962	0,046	2,915	0,004	0,796	1,256
Проф. курсы	5759,388	1933,801	0,043	2,978	0,003	0,958	1,044
Проф. курсы за 12 месяцев	2290,730	947,546	0,036	2,418	0,016	0,921	1,086
Интернет по работе	3784,238	934,256	0,065	4,051	0,000	0,766	1,306
ISEI	142,141	24,838	0,107	5,723	0,000	0,573	1,745
Число подчиненных	112,056	20,547	0,077	5,454	0,000	0,988	1,012

Однако характеристики пользователей уже указывают на то, что данная группа имеет социальные преимущества над не-пользователями. Ее основу составляют белые воротнички, работающие в непроизводственном секторе. По сути они являются представителями среднего класса, имеющими более высокий уровень дохода и, вероятно, больший доступ к интернету. В том числе сама их специфика работы (офисная) может предполагать частое пользование интернетом. В связи с этим мы построили еще одну регрессионную модель, в которую включены только первые три

профессиональные группы (законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена; специалисты высшего уровня квалификации; специалисты среднего уровня квалификации и чиновники), которые составляют более 60% пользователей. Данная группа представляется как более гомогенная. Полученные результаты представлены в табл. 17.

Таблица 17

Результаты регрессионной модели трех профессиональных групп

Предикторы	Не стандартизированные коэффициенты В	Ст. ошибка	Стандартизированные коэффициенты Бета	t	Уровень значимости	Tolerance	VIF
Константа	4193,088	4103,464		1,022	0,307		
Численность населения	0,002	0,000	0,273	13,438	0,000	0,945	1,058
Количество полных лет	330,498	49,639	0,136	6,658	0,000	0,929	1,076
Пол: мужской	9744,579	1218,218	0,162	7,999	0,000	0,949	1,053
Образование: высшее	4333,475	2252,697	0,074	1,924	0,055	0,267	3,746
Образование: среднее специальное	-969,392	2291,523	-0,016	-0,423	0,672	0,290	3,444
Иностранный язык	2409,732	1272,916	0,041	1,893	0,058	0,840	1,190
Проф. курсы	5433,451	1528,219	0,072	3,555	0,000	0,962	1,040
Проф. курсы за 12 месяцев	5589,302	2275,217	0,050	2,457	0,014	0,960	1,042
Интернет по работе	6850,495	1718,430	0,081	3,986	0,000	0,937	1,068
ISEI	49,470	47,800	0,022	1,035	0,301	0,834	1,199
Число подчиненных	284,831	39,209	0,146	7,264	0,000	0,959	1,042

Значение коэффициента R^2 в данной модели составило 0,196 – выше, чем в общей модели. В отличие от общей модели, значимость предикторов высшего образования и владения иностранным языком находится на пограничном значении. Это может быть также связано со спецификой рассматриваемой группы: большинство ее представителей (60%) имеют законченное высшее образование. При этом значимы предикторы профессиональных курсов, в том числе курсов повышения квалификации. Как и в общей модели, прибавку к зарплате имеют мужчины, проживающие в крупных городах, люди более старшего возраста (предположительно имеющие больший стаж работы), а также управленцы.

ISEI, измеряющий квалификационную позицию, в данной модели не значим, что также можно связать со спецификой рассматриваемой группы, состоящей из специалистов. А сетевой фактор – пользования интернетом в рабочих целях – влияет на прибавку к зарплате, и вес данного предиктора больше, чем в общей модели.

Заключение

Группу людей, пользующихся интернетом в рабочих целях, составляют в основном представители среднего класса, имеющие большие социальные преимущества: они имеют больший образовательный ресурс (высшее образование, занимаются на профессиональных курсах, повышают квалификацию), занимают более высокие должностные позиции, имеют более высокую оплату труда. В противоположность пользователям, не-пользователи в основном являются рабочими разного уровня квалификации, со средним образованием, работающими в первичном и вторичном секторе экономики и практически не занимающими руководящие должностные позиции. В связи с этим неудивительно, что в общей регрессионной модели мы установили влияние сетевого фактора на уровень дохода: скорее всего зафиксированные различия в оплате труда являются следствием специфики самих групп пользователей и не-пользователей.

Важно отметить, что группу пользователей составляют офисные работники, для которых во многом пользование интернетом в рабочих целях является обязательной рабочей задачей (использование офисных программ, ведение рабочей переписки, рабочие звонки и совещания и др.), а во время пандемии число задач, выполняемых дистанционно, только увеличилось. При этом при рассмотрении отдельно дифференциации в доходах трех первых квалификационных групп (законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена; специалисты высшего уровня квалификации; специалисты среднего уровня квалификации и чиновники) мы все равно зафиксировали значимость сетевого фактора. Это подтверждает представление о том, что те, кто использует современные технологии в «полезных» целях (в нашем случае рабочих), получают социальные преимущества.

Список литературы

Бродовская Е. В., Шумилова О. Е. Российские пользователи и не-пользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3(115). С. 5–18.

В России удаленно работают порядка 2,8–3 млн человек // ТАСС: [сайт]. – 2 сентября 2021 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12277323> (дата обращения 22.11.2021).

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10.

Воспроизводство трудовых ресурсов в Республике Башкортостан: тенденции и проблемы: монография / Э. Р. Мамлеева [и др.]. Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т., Уфа: РИК ГАТУ, 2018. 159 с.

Головенчик Г. Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС // Цифровая трансформация. 2018. № 2(3). С. 5–18.

Головчин М. А. Востребованность работника «нового типа» и его компетенций в российской экономике // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 100–111.

Давыдов С. Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 403–422. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1913.

Дигилина О. Б., Тесленко И. Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. 4 ч. 2. С. 166–180. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180.

Динамика численности экономически активного населения // Росстат: [сайт]. 29 октября 2021 г. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000040r.htm (дата обращения: 20.11.2021).

Илларионова Э. О. Новые формы занятости в контексте цифровизации рынка труда // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 1. С. 21–32. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.2.

Интернет и онлайн-сервисы // ФОМ: [сайт]. 31 мая 2020 г. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402> (дата обращения: 10.11.2021).

Исследование ООН: Электронное правительство 2020. // The United Nation e-Government Knowledgebase: [сайт]. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/Country-Information/id/141-Russian-Federation> (дата обращения: 22.11.2021).

Кадничанская М. И., Галкина Е. П. Фриланс как современная форма занятости на рынке труда в социально-экономическом пространстве г. Ульяновска // Logos et Praxis. 2019. № 4. С. 125–132. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.15.

Кашенов А. В. Трансформация занятости в цифровой экономике // Вестник Российского нового университета. 2018. № 2. С. 11–18.

Логинов Д. М. Удаленная занятость населения во II квартале 2020 г. // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 12(114). С. 71–76.

Mediascore подсчитала аудиторию Рунета старше 64 лет // Mediascore: [сайт]. 15 июля 2019 г. URL: <https://mediascope.net/news/1051692/> (дата обращения 06.11.2021).

Минаева И. В. Статистический анализ структуры пользователей Интернета // Инновационная наука. 2015. № 5–1. С. 198–200.

Навыки глазами сотрудников и руководителей // Ancor при поддержке Microsoft и Американской Торговой Палаты. 2021. URL: <https://ancor.ru/upload/research/skills-2021.pdf> (дата обращения: 21.11.2021).

Наниматель и работник: разговор на фоне пандемии // ВЦИОМ: [сайт]. 30 апреля 2020 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10261> (дата обращения 12.11.2021).

Общая аудитория интернета // Mediascope: [сайт]. Июль-сентябрь 2021. URL: <https://webindex.mediascope.net/general-audience> (дата обращения 04.11.2021).

Омельченко И. Б. Самооценка работающим населением своих навыков в условиях цифровизации экономики / И. Б. Омельченко, О. В. Забелина, Ф. И. Мирзабалаева // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 1. С. 63–76. DOI: 10.18334/et.6.1.39785.

Пондо Е. А. Цифровая трансформация рынка труда в современных условиях // Горизонты экономики. 2020. № 2(55). С. 43–54.

Попов А. В. Требования работодателей к качественным характеристикам молодых работников (на примере Вологодской области) // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 215–223.

Проникновение интернета в России: итоги 2018 года. Gfk. 2018. URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2405078/cms-pdfs/fileadmin/user_upload/dyna_content/ru/documents/press_releases/2019/gfk_rus_internet_audience_in_russia_2018.pdf (дата обращения 06.11.2021).

Капелюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111–140. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-11-111-140.

Работа будущего: исчезнет ли средний класс? Интервью с Э. Бриньольфссоном и Э. Макафи // Harvard Business Review – Russia: [сайт]. 08.2015. С. 54–63. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a16160/> (дата обращения: 06.11.2021).

Рост мобильного интернета и изменение целей его использования // Росстат: [сайт]. – 30 сентября 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/100659> (дата обращения: 10.11.2021).

Кройтор С. Н. Социальные аспекты трансформации труда и занятости в условиях цифровизации экономики // Социологический альманах. 2019. № 10. С. 197–203.

Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология. 2017. № 4. С. 376–396. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401>.

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров): Препринт WP4/2009/02. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 76 с.

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 225 с.

Шамсутдинова Т. М. Роль и место образования в преодолении цифрового неравенства (по материалам Республики Башкортостан) // Регионология. 2019. № 2(107). С. 330–353. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201902.330-353.

Устинова К. А., Чекмарева Е. А. Влияние уровня развития навыков на трудовой потенциал, его реализацию и выбор рабочих мест // Экономика региона. 2016. № 3. С. 726–740. DOI: 10.17059/2016-3-10.

Цифровой диктант.рф. Итоги 2021. URL: <https://news.microsoft.com/wp-content/uploads/prod/sites/46/2021/05/DD2021.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

Balsmeier B., Woerter M. Is this time different? How digitalization influences job creation and destruction // Research Policy. 2019. Vol. 48. № 8. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.respol.2019.03.010.

Bessen J. Automation and jobs: when technology boosts employment // Economic Policy. 2019. Vol. 34. № 100. P. 589–626. DOI: 10.1093/epolic/eiaa001.

Ching C. C., Basham J. D., Jang E. The legacy of the digital divide Gender, socioeconomic status, and early exposure as predictors of full-spectrum technology use among young adults // Urban Education. 2005. Vol. 40. № 4. P. 394–411. DOI: 10.1177/0042085905276389

DiMaggio P., Hargittai E. From the «digital divide» to «digital inequality»: Studying Internet use as penetration increases // Princeton: Center for Arts and Cultural Policy Studies. Princeton University. 2001. WP № 15. URL: <http://www.princeton.edu/~artspol/workpap/WP15-DiMaggio+Hargittai.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

Ganzeboom H. B.G., De Graaf P. M., Treiman D. J. A standard international socio-economic index of occupational status // Social Science Research. 1992. Vol. 21. № 1. P. 1–56. DOI: 10.1016/0049-089X(92)90017-B.

Gil-Garcia J.R., Helbig N.C., Ferro E. Is it only about Internet access? An empirical test of a multi-dimensional digital divide // Lecture Notes in Computer Science. 2006. Vol. 4084. P. 139–149. DOI: 10.1007/11823100_13

Global Knowledge Index 2020 // United Nations Development Programme: [сайт]. URL: <https://www.undp.org/publications/global-knowledge-index-2020> (дата обращения: 22.11.2021).

Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People’s Online Skills // First Monday. 2002. № 7(4). DOI: 10.5210/fm.v7i4.942.

Hilbert M. Digital gender divide or technologically empowered women in developing countries? A typical case of lies, damned lies, and statistics // Women’s Studies International Forum. 2011. Vol. 34. № 6. P. 479–489. DOI: 10.1016/j.wsif.2011.07.001.

Hindman D.B. The rural-urban digital divide // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2000. Vol. 77. № 3. P. 549–560. DOI: 10.1177/107769900007700306.

Hoffman D. L., Novak T. P. Bridging the racial divide on the Internet // Science. 1998. Vol. 280. № 5362. P. 390–391. DOI: 10.1126/science.280.5362.390.

ICT Development Index 2017 // International Telecommunication Union: [сайт]. – URL: <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Katz J., Aspden P. Motivations for and barriers to Internet usage: results of a national public opinion survey // *Internet Research*. 1997. Vol. 7 № 3. P. 170–188. DOI: 10.1108/10662249710171814.

LaRose R., Gregg J. L., Strover S., Straubhaar J., Carpenter S. Closing the rural broadband gap: Promoting adoption of the Internet in rural America // *Telecommunications Policy*. 2007. Vol. 31(6/7). P. 359–373. DOI: 10.1016/j.telpol.2007.04.004

Losh S. C. Gender, educational, and occupational digital gaps // *Social Science Computer Review*. 2004. Vol. 22. № 2. P. 152–166. DOI: 10.1177/0894439303262557.

Martin S. P., Robinson J. P. The income digital divide: Trends and predictions for levels of Internet use // *Social problems*. 2007. Vol. 54. № 1. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1525/sp.2007.54.1.1>

Ragnedda M. The Third Digital Divide. A Weberian approach to digital inequalities. (1st ed.). Routledge, 2017. 136 p. DOI: 10.4324/9781315606002

Scheerder A., van Deursen A., van Dijk J. Determinants of Internet Skills, Use and Outcomes. A Systematic Review of the Second- and Third-Level Digital Divide // *Telematics and Informatics*. 2017. Vol. 34. № 8. P. 1607–1624. DOI: 10.1016/j.tele.2017.07.007.

Shevchuk A., Strebkov D. Digital platforms and the changing freelance workforce in Russia: A ten-year perspective // *International Labour Review*. 2021. P. 1–34. DOI: 10.1111/ilr.12232.

Shevchuk, A., Strebkov, D. Freelance platform work in the Russian Federation: 2009–2019 // ILO Working Paper 38 (Geneva, ILO), 2021. 59 p.

The network readiness index 2020. Accelerating Digital Transformation in a post-COVID Global Economy. Portulans Institute. 330 p. URL: https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/11/NRI-2020-V8_28-11-2020.pdf (дата обращения: 22.11.2021).

Van Deursen J. A., Van Dijk J. A. The digital divide shifts to differences in usage // *New media & society*. 2014. Vol. 16. № 3. P. 507–526. DOI: 10.1177/1461444813487959.

Van Deursen A. J., Van Dijk J. A. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21. № 2. P. 354–375. DOI: 10.1177/1461444818797082.

Van Deursen J. A., Helsper E. J. The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? // *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications)*. Emerald Group Publishing Limited. Bingley. 2015. Vol. 10. P. 29–52. DOI: 10.1108/S2050-206020150000010002.

Van Dijk J. A. A theory of the digital divide // *Ragnedda M., Muschert G. W. (Eds.), The digital divide: the internet and social inequality in international perspective*. L.: Routledge, 2013. P. 29–51.

Ю. Б. Епихина¹

Социальная мобильность IT-специалистов²

DOI: 10.19181/INAB.2021.4.5

Епихина Юлия Борисовна

Кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: epikhina@gmail.com

Author ID РИНЦ: 750638

Для цитирования: Епихина Ю. Б. Социальная мобильность IT-специалистов // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифровизации. С. 74–85. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.5

Аннотация. В статье рассматривается роль технологий в развитии капитализма и социальной структуры современного общества. Следствием технологических изменений становится появление новых профессий, на рынке труда формируется запрос на владение новыми навыками, что, в свою очередь, сказывается на профессиональной структуре и увеличивает возможности для социальной мобильности. Связь технологического развития и структурных изменений нашла отражение в теории социальной мобильности и получила дополнительное подтверждение на данных Британского исследования 2013 г.: IT-профессии оказались более открытыми для мобильности, чем «традиционные» профессиональные группы. Приводятся результаты проверки связи показателей мобильности для новых и «традиционных» профессиональных групп на данных российских опросов.

Ключевые слова: социальное происхождение, мобильность, традиционные профессии, цифровизация.

В «Кембриджской истории капитализма» специальный раздел посвящен той роли, которую сыграли технологии в развитии нового экономического устройства [Кембриджская история капитализма, 2021]. То, что капитализм неразрывно связан с технологическими улучшениями и развитием, особо отметили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Основоположники марксизма акцентировали способность капитализма к изменениям и связанную с этим потребность в технологическом развитии. Устанавливалась взаимосвязь между социальными изменениями и технологиями: революционная роль буржуазии заключалась не только в небывалом развитии производительных сил, но и радикальном изменении социального и политического порядков. За революцией технологической следует революция социальная: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» [Маркс, Энгельс, 1955: 427]. Способность технологий вызывать измене-

¹ Epikhina Y. Candidate of Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации», поддержанного РНФ, грант № 21-18-00489.

ния в социальной структуре подчеркивается Марксом и в «Нищете философии»: «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [Маркс, Энгельс, 1955: 133].

Тезис о роли технологий в социальных изменениях, классовообразовании был активно воспринят современной социологией. Одной из знаковых работ, в которой появление нового среднего класса напрямую связывалось с возникновением новой фазы капитализма на новом технологическом базисе, стала книга Ч. Р. Миллза «Белые воротнички» [Mills, 1956]. Новый средний класс, под которым Миллз понимал офисных работников, получающих постоянную зарплату, сформировался благодаря развитию технологий, коренным образом изменивших производство: «Несколько человек обращаются с вещами, большее число имеет дело с людьми и символами» [Mills, 1956: 65]. Вслед за развитием производства произошел переворот в профессиях: появились новые занятия, потребовавшие новых навыков, связанных не с материальным производством, не с деланием вещей, а с умением обращаться с бумагой, деньгами и людьми. Новый средний класс появился благодаря изменениям в профессиях, которые в свою очередь стали следствием технологического развития.

Связь технологического развития и структурных изменений нашла отражение в исследованиях социальной мобильности. Как пишут Г. Ганзебум, Д. Трайман и В. Улти, в первом поколении исследований социальной мобильности были выдвинуты две гипотезы о связи параметров мобильности и индустриального развития [Ganzeboom, Treiman, Ultee, 1991: 281]. Первая гипотеза (М. Липсет и Г. Зеттерберг) состоит в том, что паттерны мобильности одинаковы для всех развитых индустриальных обществ. Вторая принадлежит С. Миллеру и Т. Фоксу и заключается в том, что индустриальные страны отличаются более высокими показателями мобильности, чем неиндустриальные. Предположение о связи индустриального развития и социальной мобильности было уточнено во втором поколении исследований мобильности, в модели П. М. Блау и О. Д. Данкана: промежуточным звеном, «снижающим» влияние родительской семьи, и повышающим важность собственных достижений, стал институт образования. Если в первом поколении исследований мобильности утверждался факт того, что индустриальное общество меняет параметры социальной мобильности, ослабляя межпоколенческую преемственность профессионального статуса, то исследования второго поколения объясняют, каким образом это происходит. Важно подчеркнуть, что не само по себе индустриальное развитие и связанные с ним технологии делают потоки мобильности более интенсивными, имеет значение выстраиваемая институциональная среда, ключевая роль в которой принадлежит институту образования. Подробный анализ «гипотезы индустриализации», объясняющей связь мобильности и развития производства, был изложен Д. Трайманом в статье «Индустриализация и стратификация» [Treiman, 1970].

Предположение о том, что не технологическое развитие само по себе меняет паттерны социальной мобильности, что важны также институциональные факторы, нашло отражение в разделении мобильности на структурную и относительную. Причины структурной мобильности соотносятся с изменениями в иерархической структуре профессий: изменения в технологиях и производстве преобразуют содержание профессий и тем самым «принуждают» членов общества к мобильности. Показатели относительной мобильности характеризуют шансы на мобильность представителей разных социальных групп.

Переход к пост-индустриальному обществу ознаменовался дискуссией о появлении «нового» класса [Bell, 1979]. С 1980-х гг. в социальных науках за рубежом проводятся исследования о том, как новые технологии меняют рынок труда, трансформируют структуру оплаты труда в связи с появлением новых профессий. В 2015 г. С. Фридман, Д. Лаурисон и Э. Майлз на основе данных исследования Great British Class Survey (GBCS), проведенного на онлайн-платформе BBC, сравнили паттерны мобильности, характерные для так называемых «традиционных» и новых профессий [Friedman, Laurison, Miles A., 2015]. Особенность исследования заключалась в повышенной представленности высокообразованных и высокооплачиваемых групп, что, например, для М. Сэвэйджа с коллегами стало препятствием в использовании данных исследования при апробации новой классовой модели британского общества [Savage et al., 2013]. Вместе с тем, более широкая репрезентация высококвалифицированных профессионалов дала возможность исследовать процессы мобильности, характерные для конкретных профессиональных групп. Авторы исследуют особенности профессиональной мобильности, касающиеся первой и второй категории ISCO-08, к которым относятся руководители и профессионалы высшей категории. При этом исследователи выбрали профессии (врачей и юристов), доступ к которым обеспечен для выходцев из высокостатусных семей и которые, по сути, олицетворяют воспроизводство социального неравенства. Анализ показал, что более 80% в профессиональной группе врачей по социальному происхождению представлены выходцами из семей, в которых главный кормилец по своему профессиональному занятию относился к высшей (55,1%) и низшей (27,1%) категории управленцев. Иначе говоря, только для 17,3% приход в профессию врача был сопряжен с межпоколенной восходящей мобильностью. При этом доля выходцев из семей рабочих в изучаемой профессиональной группе составила 6,2%. Похожая ситуация наблюдается и в группе представителей юридических профессий, в которой также более 80% работников принадлежат к первой (52,7%) и второй (27,5%) группам «наследников». Доля межпоколенной мобильности в этой группе составляет 19,8% (доля выходцев из группы рабочих составила 6,9%). Иная ситуация характерна для представителей IT-профессий, в которой выходцы из высшей и низшей групп управленцев-профессионалов составили 68,6%. Доля тех, кто получал профессиональный статус благодаря межпоколенной мобильности равнялась 31,4%, при этом из рабочих – 11,4%.

Д. Лаурисон и С. Фридман продолжили сравнение показателей и последствий социальной мобильности для представителей «традиционных» и «новых» профессий на данных Британского исследования. Используя метафору «стеклянного» потолка, исследователи сопоставили две группы по размеру заработной платы и показали, что реализованная восходящая мобильность не означает преодоление невидимых барьеров и неравенства [Laurison, Friedman, 2016]. Таким образом, в социальных науках установлено, что развитие технологий может приводить к структурным изменениям, появление новых профессий, связанных с развитием технологий, может менять шансы на социальную мобильность для разных социальных групп.

В настоящее время в России активно развивается IT-сфера. По данным Росстата, численность выпускников по специальности «Информатика и вычислительная техника» увеличилась с 9,3 тыс. чел. в 2000 г. до 33,5 тыс. чел. в 2017-м. [Российский статистический ежегодник, 2018: 198]. Сохраняется востребованность и нехватка специалистов соответствующего профиля. В связи с этим возникает вопрос: каким образом развитие цифровых технологий, появление новых профессий сказывается на социальной структуре российского общества? Используя модель сопоставления показателей межпоколенной мобильности, характерных для «традиционных» и новых профессий, мы предполагаем, что в группе IT-специалистов показатели межпоколенной мобильности должны быть выше, чем в группе «традиционных профессий», к которым относятся врачи и юристы.

Для проверки этой гипотезы использовались данные трех исследований, которые, несмотря на все различия, объединяет одно общее качество, – они посвящены изучению социальных групп, представители которых получили профессиональное образование по конкретной специальности. Описание исследований приводится далее (сводные характеристики представлены в табл. 1).

Данные

Опрос врачей был проведен в 2001 г. в рамках сравнительного исследования, реализованного в сотрудничестве с университетом де Монтфорт [Мансуров, Юрченко 2005: 69]. Российская выборка состоит из респондентов, имеющих высшее медицинское образование.

Опрос выпускников юридических факультетов был проведен в 2014 г. В исследовании приняли участие выпускники, получившие юридическое образование в период с 2000 по 2010 гг. Работа по полученной юридической специальности не относилась к ключевым условиям. Отбор производился таким образом, что в выборку вошли те, кто получил юридическое образование и имел работу (в исследовании не принимали участие безработные, а также те, кто на момент опроса не имел постоянной занятости, жил случайными заработками, на доходы от сдачи недвижимости, игры на бирже и т. п.). Дополнительными критериями выступали характеристики полученного юридического образования: дневная форма очного обучения, а также то, что это образование было первым,

полученным после окончания школы. Таким образом, за счет указанных характеристик оказалось возможным сформировать однородную, с точки зрения институциональных критериев полученного образования, группу, которая вкратце характеризуется следующим образом: это те, кто в период с 2000 по 2010 г. после окончания школы поступил на дневное очное отделение юридического факультета и в настоящее время имеет постоянную занятость. Всего в исследовании приняли участие 414 выпускников юридических факультетов, обучавшихся в 25 российских городах (доля окончивших московские вузы составила 34,5%, Санкт-Петербургские – 8,7%) [Социальная группа юристов..., 2014].

Опрос IT-специалистов был проведен онлайн-методом в 2018 г. в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» [Социальная мобильность в усложняющемся обществе, 2019: 212–249]. При формировании выборки учитывались как квалификационные параметры профессиональной группы, так и ее социально-демографические характеристики.

Таблица 1

Сводная информация об исследованиях, данные которых использовались при анализе межпоколенной социальной мобильности

Опрос врачей	Опрос выпускников юридических факультетов	Опрос IT-специалистов
Год опроса		
2001	2014	2018
Тип выборки		
Квотная целевая выборка	Квотная целевая выборка	Квотная целевая выборка
Объем выборки		
585 (Москва, Киров, Сыктывкар)	414 (общероссийский опрос)	858 (общероссийский опрос)
Тип опроса		
Очное формализованное интервью	Очное формализованное интервью	Онлайн-опрос

Социальная мобильность врачей

Как и юристы, врачи относятся к так называемым «традиционным», «эталонным» профессиям [Юрченко, Мансуров, 2009: 37], немаловажную роль в воспроизводстве которых играет «наследование», «династичность». Как отмечает О. Посухова, профессиональная династия может формироваться под влиянием четырех разных факторов, в числе которых и своего рода «государственный заказ» (идеологическая установка), и внутрисемейная среда, и особая ситуация на рынке труда, и специфика стратификационной системы, определяющей возможности социальной мобильности [Посухова, 2013: 102–103].

В отечественной социологии социальному воспроизводству профессиональной группы врачей посвящено немало работ, в которых рассматриваются вопросы мотивации профессионального выбора [Жлоктунова, 2013; Фитьмова, 2011], профессионального становления в процессе обучения в вузе [Карабинская и др., 2010], поколенческое обновление состава профессиональной группы [Петрова, 2014; Кондрашов, 2012]. Практически совсем не рассматриваются такие аспекты, как социальный состав студентов медицинских вузов, источники рекрутирования и пополнения упомянутой профессиональной группы. Отсутствуют данные, которые либо подтверждали либо опровергали вывод о том, что профессия врача является наследуемой, по крайней мере, на российском материале. В связи с этим, данные, полученные при проведении опроса врачей в 2001 г., позволяют установить уровень социального воспроизводства и мобильности, характерный для данной профессиональной группы.

В ходе опроса респондентам задавался вопрос о том, есть ли у них родственники-врачи? Выяснилось, что у более чем половины респондентов (54,4%) такие родственники есть. На уточняющий вопрос о том, кто именно из родственников работает врачом, примерно треть (34,6%) ответили, что это мать и/или отец. Причем от всей совокупности опрошенных доля тех, у кого оба родителя работают врачами, составила 10,7%. Помимо вопроса о родственниках-врачах, респондентам задавался вопрос об отрасли, в которой заняты родители. Исследование показало, что родители четверти опрошенных работают или работали в сфере здравоохранения. Иначе говоря, как на уровне профессии, так и на уровне отрасли занятости у примерно пятой части опрошенных наблюдается воспроизводство профессионального статуса.

Респондентам задавался вопрос об уровне образования, которого достигли их родители. Согласно полученным данным, 61,2% респондентов воспитывались в семьях, в которых хотя бы один из родителей получил высшее образование. Это означает, что доля тех, для кого приход в профессию врача был сопряжен с восходящей образовательной мобильностью, составляет 38,8%. Для большей части получение врачебной профессии означало воспроизводство образовательного статуса родителей. Следует отметить когортные различия: в группе молодых врачей, до 30 лет, доля выросших в семьях, в которых родители имеют высшее образование, достигает 79%. Иными словами, в начале 2000-х годов наметилась тенденция на усиление воспроизводства образовательного статуса.

Результаты, полученные в исследовании 2001 г. могут быть сопоставлены с недавними исследованиями профессиональной группы врачей. В 2010-х гг. было реализовано несколько таких проектов, в основном ориентированных на изучение сформированности профессиональной идентичности и мотивационной структуры выбора профессии. В исследовании О. Ю. Сиваченко, проведенной в 2012 г. исследование мотивации студентов НГМУ при выборе профессии, объем выборки которого составил 1378 студентов 1, 3 и 5 курсов трех факультетов (лечебный педиатрический, стоматологический) [Сиваченко, 2013]. По результатам опроса, вторым по частоте ответов на вопрос о мотивации поступления стал вариант «продолжение врачебной династии». Анкетирование 360

студентов 1–6 курсов Ивановской медицинской академии, проведенное С. В. Смирновой и Е. Н. Сиднеевой [Смирнова, Сиднеева, 2015] на педиатрическом и лечебном факультетах, показало, что 35% опрошенных составляют те, в чьих семьях есть представители врачебной специальности [Смирнова, Сиднеева, 2015: 65]. Семейные традиции как фактор, мотивирующий к поступлению в медицинский вуз, составил 8,9–13,5% в исследовании Н. И. Галактионовой и И. Ю. Болотникова, опросивших 200 студентов медицинского университета г. Астрахани [Галактионова, Болотников, 2016: 77]. Исследование «Профессиональная идентичность представителей социетальных профессий в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в российских мегаполисах» было инициировано Южным Федеральным университетом. В рамках этого исследования был проведен опрос врачей, работающих и проживающих в мегаполисах (Москва, Казань, Ростов-на-Дону). По данным опроса, проведенного среди московских врачей, 7,7% респондентов выбрали профессию врача, исходя из желания продолжить профессиональную династию [Нор-Аревян, 2018: 101]. В группе ростовских врачей династичность как мотив выбора профессии выбрали 5,5% опрошенных [Попов, Нор-Аревян: 167]. Суровцева К. А., Андропова Т. А., Бондарь Г. Д. провели интернет-анкетирование «среди студентов лечебного, педиатрического, стоматологического факультетов, обучающихся на разных курсах, и ординаторов Саратовского ГМУ им. В.И. Разумовского» [Суровцева, Андропова, Бондарь, 2019: 54]. В анкетировании приняли участие 276 студентов. При ответе на вопрос «Чем обусловлен Ваш выбор профессии врача?» – 12,2% ответили, что это «продолжение семейной традиции» [Суровцева, Андропова, Бондарь, 2019: 55]. Таким образом, социальное воспроизводство, передача профессионального статуса остается значимой характеристикой профессии врача. Прямое «наследование» характерно примерно для одной пятой группы.

Социальная мобильность юристов

В анкету исследования были включены несколько вопросов, характеризующих родительскую семью респондента. В частности респондентам задавались вопросы об уровне и профиле того образования, которое получили их родители. Как показало исследование, почти три четверти выпускников юридических факультетов (73,2%) – это выходцы из семей, в которых один или оба родителя получили высшее образование. Причем, 13,8% респондентов воспитывались людьми, в свое время получившими юридическое образование. Если говорить о профессиональном статусе, то опять-таки это семьи, в которых один или оба родителя относились к первой или второй профессиональным группам по ISCO-08, т. е. более половины (53,1%) опрошенных представлены выходцами из семей, относящихся к группам, отличающимся достаточно высоким профессиональным статусом.

Применительно к социальному происхождению рассматриваемой группы, следует обратить внимание на расхождение в 20 п. п. между образовательным и профессиональным статусом родителей. Родители, получив высшее образование, работали на позициях, которые не всегда его

требовали. Иными словами, выпускники юридических факультетов на 20% – это выходцы из семей, в которых родители пожертвовали образованием ради дохода: имея высшее профессиональное образование, стали работать в строительной отрасли, ушли в предпринимательскую деятельность, связанную с торговлей, или стали самозанятыми. Таким образом, пятая часть выпускников – это выходцы из семей, в которых родителям не удалось «конвертировать» приобретенный человеческий капитал в соответствующую позицию на рынке труда.

Социальная мобильность IT-специалистов

Несмотря на активное развитие IT-отрасли, востребованность и популярность профессии, IT-специалисты не часто становятся объектом исследования. Можно назвать две работы, в которых делалась попытка дать характеристику новой профессиональной группы. Первая из таких работ принадлежит коллективу авторов во главе с О. И. Шкаратаном [Шкаратан и др., 2008]. В ней IT-специалисты рассматриваются, с одной стороны, как группа информационных работников, определяемая на основе теории М. Кастельса, с другой – как часть среднего класса. На данных представительных опросов делается вывод, что на тот момент представлялось затруднительным установить, «образуют ли они стабильно существующую социально-профессиональную группу или являются категорией работников, пополняемой несистемным образом» [Шкаратан и др., 2008: 26]. На основе текстов углубленных интервью исследователи пришли к выводу, что в Москве, как передовом регионе России, такая группа сложилась. Профиль IT-специалистов как самостоятельной социально-профессиональной группы охарактеризован в статье М. Ф. Черныша [Черныш, 2015].

В опросах врачей и выпускников юридических факультетов изначально предполагалось, что их участники получили высшее образование. Профессия врача подразумевает получение высшего медицинского образования, а в опросе выпускников-юристов получение высшего юридического образования относилось к числу ключевых параметров исследования. В отношении IT-специальностей не существует жестких требований к получению высшего образования. Отчасти это связано со становящимся характером самой профессиональной группы. Как пишут Юрченко и Мансуров, один из этапов формирования профессиональной группы включает перевод экспертных знаний «в монополию на рынке труда посредством государственной поддержки и формирования стандартизированной системы образования» [Юрченко, Мансуров, 2009: 42]. Тем не менее результаты опроса IT-специалистов показали, что доля респондентов, получивших высшее образование, составила 93,9%.

Как и в других опросах, респондентам задавался вопрос об уровне образования их родителей. Согласно полученным данным, доля тех, кто воспитывался в семьях, в которых хотя бы один из родителей получил высшее образование, составила 67,5%. На рис. 1 представлено распределение ответов на вопрос о том, каким образом респонденты научились пользоваться компьютером. Данные рассчитаны в зависимости от образовательного статуса родителей. В группе респондентов, воспитывавшихся в се-

мьях, где родители получили высшее образование, была больше доля тех, кто самостоятельно научился пользоваться компьютером дома, и в этой же группе больше тех, кому родители помогли научиться пользоваться компьютером. Таким образом, в группе респондентов, воспитывавшихся в семьях с высоким образовательным статусом, доля тех, кто получил первые навыки работы на компьютере в домашних условиях, составляет 52%. Для группы, которая воспитывалась в семьях, где родители были без высшего образования, характерно использование тех возможностей, которые предоставлялись в школе на уроках информатики, по месту работы после школьного образования, в гостях у друзей или родственников.

Рис. 1. IT-специалисты: при каких обстоятельствах научились пользоваться компьютером, %

Выводы

Рассмотрение показателей мобильности на данных трех исследований, посвященных изучению социальных групп, позволяет сделать вывод о сходстве «традиционных» профессий и группы IT-специалистов. Во всех трех случаях речь идет о воспроизводстве высокообразованных групп, сохранении и передаче образовательного статуса, а вместе с ним и квалификационного ресурса. Во всех трех случаях первоочередную роль играет внутрисемейная среда и ее влияние. Очевиднее всего это вы-

ражено в профессиональной группе врачей, в которой «династичность», ориентация на семейную традицию, продолжение дела родителей является значимой компонентой мотивационной структуры при принятии решения о получении профессионального образования.

В ситуации с IT-специалистами получение первых профессиональных навыков также связаны с домашней ситуацией, с помощью родителей при обучении работе на компьютере. Наряду с этим, следует отметить, что в отличие от медицинского и юридического образования, ориентация на которое и подготовка зачастую является внутрисемейным делом, получение «цифровых навыков» возможно и вне домашней обстановки. Важную роль играет инфраструктурный фактор (уроки информатики в школе, возможность получить доступ к компьютеру в школе), а также дружеские, социальные связи (возможность пользоваться компьютером у друзей и родственников).

Особый вопрос, который требует дальнейшего изучения, может быть поставлен следующим образом: почему в России, как следует из результатов представленного анализа, профессиональная группа IT-специалистов не отличается большей открытостью в сравнении с «традиционными» профессиями и, по сути, не создает новых возможностей для социальной мобильности. К. Бруланд и Д. Ч. Моуэри, описывая процесс распространения капитализма в связи с развитием технологий, уделяют внимание тем случаям, когда перенос технологий не вызвал значимых социальных изменений (например, в России во второй половине XIX в.). Основную причину исследователи видят в том, что перенос и развитие передовых технологий не сопровождалось строительством институциональной среды, в которой особое место принадлежит институтам образования и науки. Помимо кризисного состояния, в котором находятся российские институты образования и науки, следует также отметить и неоднородную восприимчивость новых технологий экономической сферой. М. Ф. Черныш делает вывод о том, что влияние IT-специалистов наиболее заметно в передовых отраслях экономики, в отличие от отраслей, в которых господствуют старые советские технологии. Пока IT-специалисты остаются ресурсом, который не в полной мере используется российским обществом в целях технологического обновления.

Список литературы

Галактионова Н. И., Болотников И. Ю. Особенности профессиональной направленности студентов старших курсов медицинского университета // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. 2016. № 2 (38). С. 75–85.

Карабинская О. А. Влияние личностных качеств студентов первых курсов на процесс адаптации в медицинском вузе / О. А. Карабинская, В. Г. Изатулин, О. В. Колесникова, А. Н. Калягин, А. Б. Атаманюк // Сибирский медицинский журнал. 2010. № 7. С. 71–74.

Кембриджская история капитализма. Т. 2: Распространение капитализма: 1848 – наши дни. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 768 с.

Клоктунова Н. А. Динамика детерминирующих мотивов выбора профессии врача студентами медицинского вуза // Саратовский научно-медицинский журнал. 2013. Т. 9, № 2. С. 333–337.

Кондрашов А. А. Смена поколений врачей как медико-социальная проблема современной России: автореф. дис. канд. мед. наук. Волгоград. 2012. 26 с.

Мансуров В. А., Юрченко О. В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 66–77.

Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4.

Нор-Аревян О. А. Социальный капитал профессии в оценках российских врачей (на материалах социологического исследования в городских мегаполисах) // Власть. 2018. № 1. С. 98–107.

Петрова Л. Е. Поколенческие различия в социально-профессиональной группе врачей как фактор качества оказания медицинской помощи // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 3. С. 1–9.

Попов А. В., Нор-Аревян О. А. Социологическое измерение профессиональной идентичности врачей в городе Ростове-на-Дону // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 6. С. 157–172. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.6.15.

Посухова О. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.

Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб./Росстат. М., 2018. 694 с.

Сиваченко О. Ю. Мотивация студентов НГМУ при выборе профессиональной деятельности // Медицина и образование Сибири. 2013. № 3. 4 с.

Смирнова С. В., Сиднеева Е. Н. Социальная идентификация как фактор адаптированности студентов медицинского вуза к профессиональной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. Т. 21, № 3. С. 64–68.

Социальная группа юристов: мотивация вхождения в профессию и траектория мобильности. М.: Институт социологии РАН, 2014. 92 с.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В. В. Семенова и др.]; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

Суровцева К.А., Андропова Т.А., Бондарь Г.Д. О мотивации выбора профессии врача // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2019. № 2. С. 53–56.

Фитьмова А. А. Типологизация профессиональной мотивации будущих врачей на основе кластерного анализа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 129. С. 87–93.

Черныш М. Ф. Информационные работники: профиль социальной группы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 14. С. 31–44.

Шкаратан О. И. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда / О. И. Шкаратан, С. А. Иняевский, Т. С. Любимова // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 5–27.

Bell D. The new class: A Muddled Concept. Society. 1979. № 16. P. 15–23. <https://doi.org/10.1007/BF02712888>

Friedman S., Laurison D., Miles A. Breaking the ‘class’ ceiling?: social mobility into Britain’s elite occupations // The Sociological Review. 2015. 63 (2). P. 259–289. ISSN 0038-0261. DOI: 10.1111/1467-954X.12283.

Ganzeboom H. B. G., Treiman D. J., Ultee W. C. Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // Annual Review of Sociology. 1991. Vol. 17. P. 277–302.

Laurison D., Friedman S. The class pay gap in Britain’s higher professional and managerial occupations // American Sociological Review. 2016. Vol. 81. № 4. P. 668–695. DOI: 10.1177/0003122416653602.

Mills C. W. White collar. The American middle class. NY: Oxford University Press, 1956. 402 p.

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A. A new model of social class? Findings from the BBC’s Great British Class Survey experiment. Sociology. 2013. Vol. 47. № 2. P. 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128.

Treiman D. J. Industrialization and Social Stratification // Social stratification: Research and theory for the 1970s. Indianapolis, NY: The Bobbs-Merrill Company, Inc. 1970. P. 207–234.

Научное издание
Информационно-аналитический бюллетень

ИНАБ
2021 № 4

СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Компьютерная вёрстка:
Григорьева Елена Ивановна,
Ситдииков Ильдар Мансурович

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 125-00-79
E-mail: fnisc@fnisc.ru

Подписано в печать 20.10.2021 г.
Усл. печ. л. 5
URL: